

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи.

На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 к. п.

На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяць . . . 25 к. п.

Объявленія на страницахъ обложки: на 1-й—2 руб.

на 2-й—1 р. 50 к. на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ до-

полнительныхъ 60 к. за строку непараллельно.

Главная Контора и Редакция: С.-Петербургъ, Галерная, 40.

Отдѣленіе: При Невской Конторѣ, Биржевыхъ Вѣдомостей

Невскій пр., 50 (уголъ Садовой).

Посѣщеніе Ксеніинскаго Института Государыней Императрицей Маріей Феодоровной 17-го февраля.

Рисунокъ съ натуры художника журнала «Огонекъ» С. В. Животовскаго.

Едва ли кто, не знающій близко институтской жизни, представляетъ, какой огромный праздникъ для воспитаницъ институтовъ — посѣщеніе ихъ Императрицей. Такіе моменты являются историческимъ событіемъ, остающимся въ памяти питомцевъ института на всю жизнь.

17-го февраля такимъ праздникомъ подарила вдовствующая Императрица Ксеніинскій институтъ.

— Императрица пріѣхала! — молніей пронеслось по всемъ классамъ.

И общее волненіе охватило всѣхъ. Классныя дамы и учителя стараются успокоить воспитаницъ, чтобы не нарушить обычнаго порядка и, въ то же время, волнуется сами въ ожиданіи

прихода Высокой Гостьи. Но появляется Императрица, такая ласковая и привѣтливая, — и у всѣхъ на душѣ становится спокойно.

Кончились уроки, и Государыня направляется, вмѣстѣ съ Великой Княгиней Маріей Александровной, герцогиней Саксен-Кобург-Готской, въ институтскую церковь. Кончилось краткое молебствіе, Государыня приложила къ кресту и, поставивъ свѣчи передъ образами св. Ксеніи и святыхъ Александра Невскаго и Серафима Саровскаго, прослѣдовала въ актывый залъ, гдѣ къ этому времени собрался весь институтъ въ полномъ составѣ.

Прислушавъ концертъ, осматрива практическая кухня, гдѣ Императрица пробуетъ приго-

товленную воспитаницами пищу, и наступаетъ моментъ отъѣзда.

Воспитаницы всѣхъ классовъ выходятъ на роскошную мраморную лестницу Зимняго дворца — проводить дорогую Гостью свѣтлымъ «Многая лѣта».

Когда Императрица вышла изъ каретъ и заведеніи хозяйственною частью полковникъ Смирновъ положилъ къ ногамъ Императрицы поднесенные ей воспитаницами подарки, воспитаницы старшихъ курсовъ не выдержали и съ крикомъ «ура» выскочили на подъездъ института. Эхомъ подхватили воспитаницы всего института громовое «ура», при крикахъ котораго и отбыла Августѣйшая Гостья.

I.

П

ервымъ всталъ изъ-за стола докторъ Эльвинъ Бауэръ. И сестра, Агата Францъ, мать окрепленной въ этотъ день двойни, не удерживала его. Эльвинъ Бауэръ простился съ зятемъ и съ обѣими младшими сестрами, и вышелъ изъ гостиной.

Агата провожала его, нѣжно опираясь на его руку. Они проходили черезъ комнату, въ которой еще стояла купель. Здѣсь стоялъ еще запахъ цвѣтовъ, восковыхъ свѣчей и легкая дымка ладана. Комната имѣла торжественный праздничный видъ, но Агатѣ она напоминала часовню и отпѣваніе покойника. Грустное сравненіе тотчасъ, впрочемъ, забылось. Эльвинъ выразилъ желаніе еще разъ взглянуть на дѣтей, и лицо ея озарилось радостной материнской улыбкой. Дѣти съ темными головками и розовыми личиками лежали рядомъ, на бѣлоснѣжныхъ подушкахъ. Крохотные кулачки крѣпко и забавно сжимали кружево покрывала. Мать низко нагнулась надъ близнецами, чтобы скрыть свое волненіе. Но тотчасъ быстро и испуганно выпрямилась, словно обожженная внезапной болью.

— Не могу кормить ихъ,—сказала она съ горечью.—Запретилъ врачъ. А мнѣ такъ этого хотѣлось, у меня, навѣрно, дѣтей больше не будетъ. Но эти боли...

Агата растерянно замолкла. Она не любила говорить о себѣ. Эльвинъ взялъ сестру за руку и взглянулъ ей въ лицо.

Въ тускломъ свѣтѣ раннихъ зимнихъ сумерекъ оно казалось почти прозрачнымъ. Голубые глаза, подъ болѣзненно бѣлымъ лбомъ, окружены были темно-синими глубокими тѣнями, и вся ея маленькая фигурка казалась хрупкой и трогательно безпомощной. Между тѣмъ со дня рожденія дѣтей прошло уже четыре недѣли. Другія матери за это время вполне оправляются и расцвѣтаютъ. Эльвинъ схватился рукой за голову. И никто не замѣчалъ, какъ она больна, и какъ состарилась, никто даже не заботился серьезно о ея здоровьѣ... А мужъ между тѣмъ любилъ ее и скорбѣлъ о томъ, что дѣла заставляютъ его проводить большую часть года въ провинціи или за границей. Агата угадала мысль брата и сказала съ улыбкой:

— Эльвинъ, дорогой мой, это печальное наследіе отъ матери. Противъ судьбы не пойдешь... Когда я много лѣтъ тому назадъ выходила за Фердинанда, меня врачъ предупредилъ, что мнѣ нельзя имѣть дѣтей. Ну, а они рождались у меня одинъ за другимъ...

Эльвинъ искренно любилъ свою бѣлокурую тихую сестру, эту обреченную на медленное угасаніе мать семерыхъ дѣтей. Ему такъ хотѣлось сказать ей что-нибудь утѣшительное, но онъ боялся осквернить банальными словами ея скорбь и свое состраданіе. Онъ только тихо и нѣжно провелъ рукой по ея волосамъ. Фридрихъ, старшій сынъ Агаты, осторожно пріоткрылъ дверь, онъ искалъ мать.

— Да, да, я иду,—ласково сказала Агата,—пойди взгляни, какъ они мило спятъ!

Юноша пожалъ своему дядѣ руку и закрылъ за собою дверь. Эльвинъ поцѣловалъ сестру въ лобъ, сказалъ ей еще нѣсколько добрыхъ словъ, надѣлъ шубу и ушелъ.

На улицѣ онъ тяжело вздохнулъ. Онъ любилъ своихъ сестеръ и всѣми силами старался всегда устранять всѣ затрудненія съ ихъ пути. Онъ жилъ въ вѣчномъ опасеніи чужихъ страданій. Его чувствительная чуткая душа инстинктивно избѣгала боли и тревоги. И теперь онъ жаждалъ разсѣяться и не могъ отогнать отъ себя тоскливыхъ мыслей. Онъ сѣлъ въ первый встрѣченный экипажъ и поѣхалъ въ кафе «Жюсти», гдѣ рассчитывалъ встрѣтить знакомыхъ. Въ подъѣздѣ онъ столкнулся со своимъ закадычнымъ другомъ Хлодвигомъ фонъ-Эйнингеръ.

— Уходите?—сказалъ онъ.—И я пойду съ вами. У меня никакой охоты нѣтъ сидѣть въ кафе...

Выйдя на площадь, они остановились въ нерѣшительности, не зная въ какую сторону направить свои шаги. Было около пяти часовъ вечера. Въ этотъ часъ Потсдамская площадь обыкновенно кипитъ народомъ и оживленіемъ. Эльвину хотѣлось быть подалеже отъ большой толпы и шума. Онъ переглянулся съ Хлодвигомъ, и оба, по молчаливому соглашенію, свернули въ боковую тихую улицу.

На первомъ же перекресткѣ они наткнулись на несчастное происшествіе. Изъ Аллеи Побѣды быстрой рысью выкатился экипажъ и переѣхалъ собаченку. Бѣдное животное, которому переломило колесами ножку, съ жалобнымъ стономъ упало на мерзлую землю. Въ тотъ же мигъ подбѣжала къ ней ея госпожа, миловидная, изящная дѣвушка, и, наклонившись надъ ней, съ большою вскрикнула:

— Лизокъ мой! Лизокъ!

Сидѣвшій въ экипажѣ почтенный господинъ велѣлъ кучеру остановиться, выскочилъ и, подойдя къ дѣвушкѣ, сталъ горячо извиняться и предлагать свои услуги. Но она выпрямилась и серьезно и огорченно сказала:

— Да развѣ вы не видите? Она должна быть матерью черезъ нѣсколько дней... Въ такихъ мученіяхъ... Все, что вы можете сдѣлать для нея, это пристрѣлить ее...

Но у виновника несчастія не было оружія при себѣ. Тогда подошелъ Хлодвигъ фонъ-Эйнингеръ, вынулъ изъ кармана небольшой револьверъ и однимъ выстрѣломъ прекратилъ страданія бѣдной собачки. Не дослушавъ благодарностей дѣвушки, онъ отошелъ и быстро увлекъ за собою Эльвина. Происшествіе разстроило ихъ обоихъ. Эльвинъ сталъ еще мрачнѣе. Опечаленное, блѣдное лицо дѣвушки носилось передъ нимъ, какъ призракъ.

— Мнѣ какъ будто знакомо ея лицо,—сказалъ онъ.—Это не Изольда Рюдигеръ, художница?

— Да, это она,—отвѣтилъ Хлодвигъ.— Я тоже ея не узналъ. Талантливая художница!

— Я вчера только видѣлъ на выставкѣ ея работу. Портретъ мальчика съ такими же, какъ у нея, печальными глазами...

Эльвинъ замолкъ и весь ушелъ въ свои

думы. Онъ испуганно вздохнулъ, когда Хлодвигъ остановился и спросилъ:

— Куда собственно мы идемъ, Бауэръ?

Эльвинъ и самъ этого не зналъ.

— Тогда пройдемте въ Тиргартенъ,—предложилъ Хлодвигъ,—у васъ еще до концерта времени много.

Когда они свернули въ Бендлеръ-Штрассе, изъ подъѣзда углового дома вышли двѣ молодыхъ, изящно одѣтыхъ дамы, обѣ въ фрауръ. Хлодвигъ почтительно поклонился. Эльвинъ тоже снялъ шляпу. Одна изъ нихъ, небольшого роста, отвѣтила на поклонъ увѣренной и женской улыбкой. Другая, высокая и стройная, граціозно наклонила голову. Но ни одна черта ея лица не дрогнула. Обѣ несли на ремняхъ позвякивавшіе коньки.

— Кто это?—спросилъ Эльвинъ.

— Меньшая — фрау Герцъ. — отвѣтилъ Эйнингеръ.— Мужъ ея чиновникъ, кажется, съ будущностью... А высокая — ея младшая сестра, Фридина Брандтъ. Отпѣя умеръ мѣсяца два тому назадъ, поэтому она живетъ у замужней сестры. Красивая дѣвушка!

— Очень! — съ оживленіемъ подхватилъ Эльвинъ. Удивительно красивая! — добавилъ онъ, съ восхищеніемъ глядя ей вслѣдъ.

— Она на всѣхъ производитъ впечатлѣніе, — сказалъ Хлодвигъ. — Жаль очень, что она, по случаю траура, нигдѣ бывать не будетъ въ эту зиму...

Они молча и быстро шли по снѣжнымъ дорожкамъ, подъ деревьями, одѣтыми въ бѣлыя ризы; яркіе, электрическіе шары бросали на снѣгъ голубоватый-отсвѣтъ. Было тихо и почти торжественно. Шаги и шумъ колесъ тонули въ мягкомъ пушистомъ снѣгѣ.

Эльвина тронула деликатность Хлодвигъ, ни разу не спросившаго его о причинѣ его угнетеннаго настроенія. Онъ самъ заговорилъ о своихъ семейныхъ печалаяхъ, о наследственномъ недугѣ, тяготящемъ надъ ихъ семьей, и о любимой сестрѣ, Агатѣ, которая погибаетъ подъ бременемъ материнства.

— Я почти состарился холостякомъ — мнѣ уже сорокъ одинъ годъ... — сказалъ онъ, — и, слава Богу, избѣгъ счастья потомства. Весь ужасъ этого проклятія обрушился на мою бѣдную сестру... И я могу только безпомощно наблюдать ея угасаніе...

Хлодвигъ фонъ-Эйнингеръ былъ лѣтъ на десять моложе своего друга, музыкальнаго критика Эльвина Бауэра. Даровитый, дѣльный журналистъ жилъ съ самой ранней юности независимой жизнью, и изъ всѣхъ вопросовъ, его занимавшихъ, вопросъ о семьѣ и дѣтяхъ его наименѣе волновалъ, потому что онъ семья почти не зналъ. Дѣтскіе школьные годы онъ провелъ въ пансіонѣ. И рано осиротѣвъ, уже юношей предосталъ передъ самымъ собою. О семейной жизни у него было предствленіе, какъ о чемъ-то тѣсномъ, гнетущемъ, и случайно всплывавшая мысль о томъ, что онъ самъ могъ бы сдѣлаться отцомъ семейства, приводила его въ веселое настроеніе. Большое потомство у людей богатыхъ казалось ему забавнымъ, а у бѣдныхъ — неудобнымъ, этимъ исчерпывался для него весь вопросъ. При словахъ Эльвина Бауэра еще впервые всталъ передъ нимъ призракъ плодородія, заносащій мечъ надъ супружескимъ счастьемъ и, какъ вампиръ, высасывающій жиз-

ненную энергию и силы изъ многихъ поколѣній...

— Моя сестра,—взволнованно говорилъ Эльвинъ Бауэръ,—еще сравнительно въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другія женщины... Мы сами роемъ себѣ могилу, разрывая себѣ имѣть дѣтей... Потомство яко бы предполагаетъ здоровье, жизнь, расцвѣтъ силъ. И даже мы не принимаемъ въ расчетъ, можетъ-ли наше общество воспитывать столько дѣтей, сколько рождается... Пресловутое возвращеніе къ природѣ... А одинъ изъ величайшихъ людей, Золя, проповѣдуетъ плодородіе, какъ новое евангеліе. Тысячи людей приносятся въ жертву какой-то мечтѣ...

— Ваша исходная точка, Эльвинъ,—состраданіе, но въ правѣ-ли мы, руководясь только опасеніемъ жертвъ, устранять съ поля жизненной борьбы будущее поколѣніе, которое рвется въ борьбу радостно и смѣло? И можемъ ли мы желать оставаться бездѣтными, когда мы сами плотью и кровью, всѣми помыслами и желаніями, надеждами и дарованіями продолжаемъ жить въ нашихъ дѣтяхъ? Дѣти, внуки, вѣдь это мы сами, наша собственная жизнь...

— Жить!.. Продолженіе жизни... Удивительное утѣшеніе!..—съ горечью сказалъ Эльвинъ. — Миръ созрѣлъ только для смерти...

Эльвинъ и Хлодвигъ вошли въ эту минуту въ одну изъ самыхъ освѣщенныхъ аллей. На ярко озаренномъ каткѣ, на «Новомъ озерѣ» колыхалась блестящая, пестрая масса мундировъ, ловкихъ женскихъ костюмовъ, красивыхъ юныхъ лицъ и искрящихся коньковъ, быстро и легко скользившихъ по льду. Бауэръ и Эйнингеръ остановились съ невольной улыбкой передъ радостной картиной. Видъ ритмически движущихся фигуръ и бездумно-ликующей молодости скоро освободилъ ихъ отъ угнетавшей печали. Подѣй самаго берега плавно скользили рука объ руку обѣ дамы, съ которыми они встрѣтились недавно. Эльвинъ Бауэръ смотрѣлъ на стройную Фридину Брандтъ съ той острой тоскливой радостью, съ какой чуткія ясновидящія души въ нѣсколько секундъ провидятъ свою судьбу. Но Хлодвигъ что-то шутливо сказалъ про сестеръ, и сонъ мгновенно разсѣялся. Высокая фигура Фридины выдѣлялась въ толпѣ. Она съ бессознательнымъ достоинствомъ и граціей несла свое молодое и крѣпкое тѣло. Въ движеніяхъ ея было что-то увѣренное и почти торжественное, удивительно гармонизировавшее съ ея чистымъ, строгимъ лицомъ.

Когда онѣ остановились, Хлодвигъ подвелъ къ нимъ Бауэра и представилъ. Бауэръ и Эйнингеръ помогли дамамъ снять коньки и проводили ихъ домой. Эльвинъ шелъ впереди съ Фридиной, за нимъ Хлодвигъ и старшая сестра. Фрау фонъ-Герцъ шла короткими и неровными шагами. Она всѣми силами старалась казаться спокойной и непринужденной. Въ головѣ у нея стоялъ глухой шумъ, какъ при начинающейся лихорадкѣ. Она говорила возбужденно, нервно, смѣялась слишкомъ громко и задорно. Хлодвигъ удивлялся страстности ея обращеній. Въ одномъ мѣстѣ она оступилась и упала бы, если бы Хлодвигъ ее не поддержалъ. Она даже не освободила своей руки, но тяжело оперлась, почти повисла на его рукѣ, и говорила непрерывно, тихо, быстро и безсвязно. Хлодвигъ испугался. Фрау фонъ-Герцъ, очевидно, была больна. Лицо ея горѣло, и глаза сверкали лихорадочнымъ, безпокойнымъ блескомъ. Молодой человѣкъ съ облегченіемъ вздохнулъ, когда она остановилась у подъѣзда своего дома.

Когда Эльвинъ Бауэръ пошелъ рядомъ съ Фридиной, у него было такое чувство, будто случилось что-то въ его жизни, долго-

Его величество сербскій король Петръ I.—Автографъ короля.

Визиты балканскихъ государей въ столицу Россіи продолжаются. Послѣ короля болгаръ прѣзжаетъ впервые король сербскій Петръ, вступившій на престолъ послѣ трагической гибели короля Александра и королевы Драги. Сербія раздирается междоусобіями, и нужно

было много любви къ родинѣ и силъ, чтобы вывести страну на путь внутренняго мира и пруссѣянія и внѣшняго престижа. Король Петръ пользуется любовью своихъ подданныхъ, какъ справедливый и строго конституціонный государь.

жданное и желанное, и, тихо и радостно волнуясь, онъ не зналъ, съ чего начать разговоръ. Начала его Фридина простымъ непринужденнымъ вопросомъ:

— Вы интересуетесь спортомъ?

Эльвинъ отвѣтилъ:

— Съ сегодняшняго дня. Въ мои годы спорта еще не было въ модѣ, а позднѣе онъ меня не привлекалъ.

— Это единственное развлеченіе, доступное намъ теперь,—спокойно сказала Фридина.—Мы въ траурѣ... У насъ отецъ умеръ недавно.

Эльвинъ почтительно помолчалъ нѣсколько мгновеній и сказалъ:

— Это хорошо, что вы избрали этотъ способъ развлеченій.

— Еще бы!—отвѣтила Фридина.— Въ движеніи столько радости! Иногда я ощущаю такой приливъ силъ, прямо слишкомъ много силъ... Я даже объяснить этого не сумѣю.

Она покраснѣла и молодо, и смущенно улыбнулась. Эльвинъ взглянулъ на нее съ нѣжнымъ и тихимъ восторгомъ, какъ смотреть на первые весенніе листки. И въ тотъ же мигъ его кольнула жуткая мысль: и этотъ ликующій майскій цвѣтокъ уничто-

женъ будетъ скорбью материнства. Онъ печально и серьезно сказалъ:

— Я глубоко жалѣю, что ничего радостнаго сказать вамъ не могу. Я старый сумасбродный пессимистъ, и, конечно, правъ не я, права жизнь... Но я въ ней вижу только отрицательныя черты. Совершенной кажется мнѣ только смерть. Боги недвижно, безжизненно сидятъ на своихъ тронахъ и оттого, что они мертвы, они безсмертны. Жизнь—это непрерывное умираніе. Простите, что я говорю вамъ это!.. Но съ вами мнѣ хочется быть искреннимъ.

Онъ взглянулъ на нее и, увидѣвъ слезы на ея глазахъ, вспомнилъ, что у нея еще свѣжее горе—она недавно потеряла отца. Эльвинъ тихо взялъ ее за руку и мягко сказалъ:

— Умершіе безсмертны...

Фридина благодарно взглянула на него. Они молча дошли до дому и молча ждали у подъѣзда сестру и Хлодвига. На прощанье Фридина тихо сказала доктору Бауэру: «До свиданія»—и прямо посмотрѣла ему въ лицо. Въ яркомъ свѣтѣ электрическаго фонаря она увидѣла въ длинныхъ курчавыхъ волосахъ Эльвина—густыя сѣдыя пряди. Эльвинъ тихо вздохнулъ.

П.

Когда фрау фонъ-Герцъ прощалась съ молодыми людьми, она опять была изящная любезная женщина и съ свѣтской непринужденностью благодарила ихъ. Она сознавала, что по дорогѣ не совсѣмъ корректно держала себя, и въ послѣднюю минуту она усиленъ воли сумѣла взять себя въ руки.

Она со вздохомъ облегченія пошла вслѣдъ за Фридиною въ подъѣздъ. Голова у нея болѣла, и во всемъ своемъ тѣлѣ она чувствовала свинцовую тяжесть. Едва онѣ вошли въ комнату, молодая женщина сбросила съ себя маску спокойствія. Фридина молча и быстро шла впереди и не видѣла, какъ при каждомъ шагѣ болѣзненно подерливалось лицо сестры. Анна крѣпко стиснула зубы. Только бы никто ничего не замѣтилъ!.. Ужъ она какъ-нибудь справится съ этими болями.

Горничная отперла имъ дверь и тотчасъ грубо повернулась и ушла, оставивъ ихъ въ темной передней.

— Слушайте, Марта! — крикнула ей вслѣдъ фрау фонъ-Герцъ, сама зажигая газъ. — Я сколько разъ вамъ говорила, что это неудобно и опасно открывать дверь въ темнотѣ.

Дѣвушка опять показала въ передней и проворчала что-то неизвѣстное, изъ чего Фридина уловила только одно — «счетъ за газъ».

— Это васъ не касается!.. Занимайтесь вашимъ дѣломъ!.. — строго сказала она.

Дѣвушка съ дерзкимъ бѣлокурнымъ лицомъ съѣжилась подъ ея негодующимъ взглядомъ и убѣжала на кухню.

Сестры вошли въ гостиную. Фридина подавала вздохъ, но Анна внезапно разразилась слезами.

Боли, вмѣстѣ съ домашними неприятностями, оказались сильнѣе ея. Фридина не подозрѣвала страданія сестры. Она подошла къ ней, сняла съ нея шляпу и, нѣжно глядя по волосамъ, успокаивала ее.

Черезъ нѣсколько минутъ Анна входила уже въ домашнемъ платьѣ въ комнату Фридины. Фридина стояла у окна и задумчиво смотрѣла въ ночную голубоватую мглу. Тихія, смутныя ощущенія радости волновали ее, и почти забыты были всѣ обидныя тяжкія неприятности, которыя пришлось пережить со времени смерти отца. Въ ушахъ ея звенѣли ласковыя слова д-ра Бауэра, и

вся она будто колыхалась на волнахъ его мягкаго, музыкальнаго голоса. Она быстро обернулась, когда Анна открыла дверь: ее поразило и испугало возбужденное и тревожное лицо сестры.

— Что съ тобой, Анна? — озабоченно спросила она.

— Не знаю, — отвѣтила Анна, — должно быть, лихорадка — у меня все тѣло болитъ.

— Это пройдетъ, — сказала Фридина. — Мы слишкомъ долго катались, ты просто переутомилась.

Сестры перешли въ столовую. Марта покрывала столъ, и съ явно умышленной медлительностью возилась съ приборами. Фрау фонъ-Герцъ сѣла въ уголъ дивана и закрыла глаза рукой, яркій свѣтъ тяготилъ ее. Вызывающій видъ горничной раздражилъ ее. Фридина, замѣтивъ, что Марта съ какимъ-то умысломъ топчется у стола, сказала:

— Вы кончите, наконецъ, Марта? — Но Марта, не двигаясь съ мѣста, тила:

— Мнѣ надо поговорить съ барыней.

— Говорите, — рѣзко сказала Фридина.

— Я хочу жалованья попросить. Я уже третій мѣсяцъ жалованья не получаю... Сегодня опять пятнадцатое.

Фридина растерянно и изумленно молчала. Она не подозрѣвала, что ея сестра въ такой степени стѣснена. Она быстро взглянула на Анну, но та сидѣла неподвижно. Фридина испуганно повторила:

— Вы жалованья своего не получили? Какъ же это возможно?

— Какъ это возможно?! — Марта на смѣшливо разсѣлась. — Я уже три мѣсяца гроша не получала — и подарки на Рождество мнѣ у прѣзнихъ господъ не то что у васъ дарили... Хоть и не задавали такого тону. И не готовили фунтъ мяса на четырехъ человѣкъ... Сегодня пятнадцатое... Если сегодня-же не получу жалованья, то перваго уйду... Если вы мнѣ расчета не дадите, должна буду сказать барину.

— Фридина побѣлѣла отъ негодованія. Потомъ кровь бросилась ей въ голову. Усиленъ воли ей удалось, однако, овладѣть своимъ волненіемъ. Она властно сказала:

— Вы сегодня-же получите ваше жалованье, я сейчасъ переговорю съ зятемъ... А теперь уходите сейчасъ-же... отсюда... Сестра нездорова...

— Пойду, пойду, — огрызнулась Марта — Съ удовольствіемъ совсѣмъ бы ушла сегодня же вечеромъ...

Въ дверяхъ она остановилась и глумливо добавила:

— Мнѣ бы ничего за эти три мѣсяца не было, если бы г-нъ Флигеръ не давалъ мнѣ на чай, когда я ему открывала дверь ночью. Хорошо еще, что одинъ благородный человекъ нашелся...

Она торжественно вышла изъ комнаты. Она высказывала все, что у нея нажитѣло на сердцѣ, была очень собою довольна и увѣрена, что теперь то ужъ она расчетъ получить. Это было все, чего она добивалась. Фридина стояла посреди столовой потрясенная и уничтоженная. Анна съ тихимъ плачемъ подошла къ ней и тихимъ шепотомъ оворила съ ней:

— Фридина, дорогая моя, и ты все это должна была выслушать!

— Неужели нельзя было заплатить ей? — глухо сказала Фридина. — И она часто такъ говорила съ тобою?

— И я ничего сдѣлать не могла! — жадно воскликнула Анна. — У меня никакой возможности не было заплатить ей... Ты вѣдь знаешь, какъ мы стѣснены... Ну, а что касается Флигера...

Фридина выпрямилась и строго сказала:

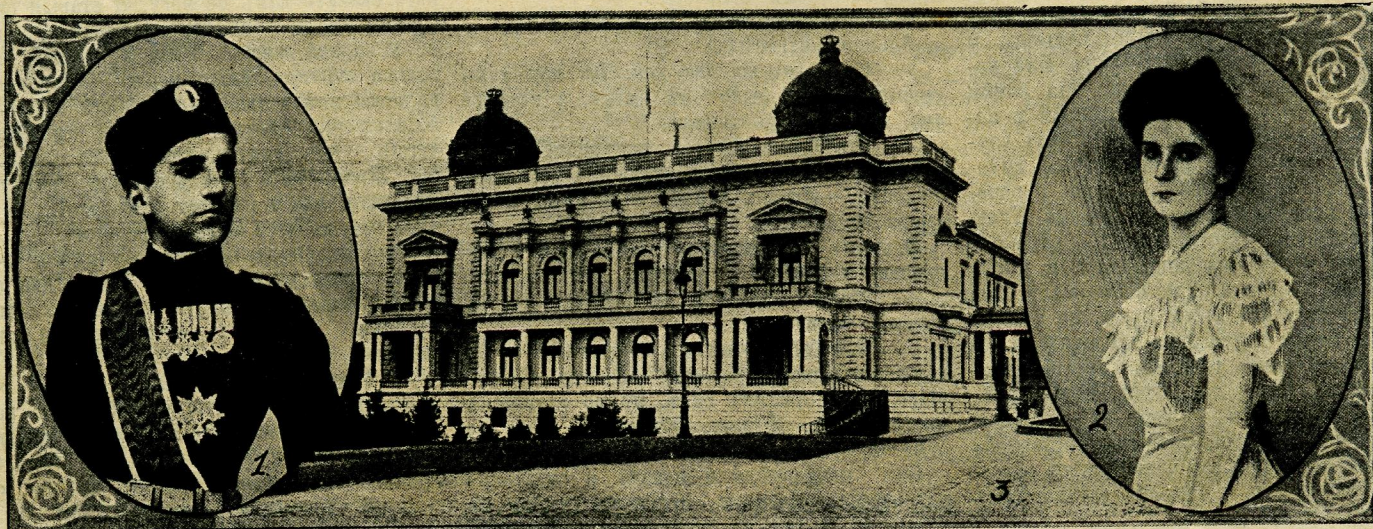
— На эту гнусную ложь, надѣюсь, ты возражать не станешь?... Надо, первымъ дѣломъ, ее расчитать... У тебя денегъ нѣтъ?... Анна безпомощно пожала плечами:

— Откуда мнѣ взять девяносто марокъ? Я Христіану объ этомъ сказать не рѣшусь, да у него ихъ и нѣтъ!..

Фридина побѣжала въ свою комнату и, открывъ небольшую шкатулку, стала перебирать золотыя бездѣлушки — это были все подарки ея отца, съ которыми ей тяжело было расставаться. Но среди нихъ было одно кольцо съ бриллиантовымъ, подаренное ей крестной матерью, фрейлейнъ фонъ-деръ-Вандеррихъ. Она знала, что оно стоитъ около ста марокъ. Это кольцо она рѣшила отдать Мартѣ. Она восхищалась имъ какъ-то и, навѣрно, удовлетворится имъ. Фридина не ошиблась. Когда она вошла на кухню и предложила Мартѣ кольцо за слѣдующія ей девяносто марокъ, дѣвушка съ жадной радостью схватила тотчасъ кольцо и надѣла его на палецъ. Вещи ея уже были уложены. И пока сестры между собою разговаривали, она успѣла заказать носильщика себѣ. Че-

По поводу приѣзда сербскаго короля Петра I въ Россію.

Со снимковъ Бауэра.

1) Наслѣдній королевичъ сербскій Александръ. 2) Королева Елена. 3) Дворецъ (конакъ) короля въ Бѣлградѣ.

Сербскій посланникъ Д. И. Поповичъ.

Сербское королевское посольство помещается на Литейномъ проспектѣ, въ д. № 57. Въ этомъ обычномъ, типичномъ для Петербурга «доходномъ» домѣ посольство занимаетъ сравнительно небольшую, скромную квартиру.

Въ посольствѣ все дышитъ простой и здоровой невзыскательностью. Отсутствіе показной роскоши и дѣловая, рабочая атмосфера, чувствуемая на каждомъ шагу, производятъ симпатичное впечатлѣніе.

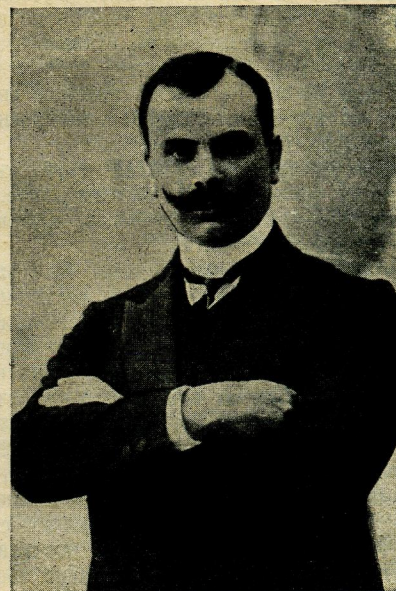
Въ посольствѣ все напоминаетъ далекую Сербію: много портретовъ короля и членовъ королевскаго дома, картины сербской жизни. Видно, что здѣсь живутъ люди, полные любви къ своей маленькой, милой ихъ сердцу странѣ.

Скромный дѣловой кабинетъ посланника находится рядомъ съ приемнымъ заломъ, обставленнымъ съ изящной простотой. Изъ при-

емнаго зала переходъ въ гостиную, оттуда — въ столовую. Справа отъ вестибюля маленькая приемная, она же канцелярія. Вотъ и все помещеніе посольства.

Сербскій посланникъ въ Петербургѣ, Дмитрій Ивановичъ Поповичъ, принадлежитъ къ родовой сербской семьѣ, давшей родиѣ много дѣятелей на дипломатическомъ поприщѣ: еще его дѣдъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Д. И. Поповичъ сравнительно молодъ: на видъ ему не больше 30 лѣтъ. Лицо его и фигура дышатъ энергіей и силой. Спокойный, сдержанный, корректный, онъ волнуется лишь въ моменты, когда заходитъ рѣчь о судьбахъ его родины. Тогда во весь ростъ вырастаетъ страстный патріотъ, безгранично преданный интересамъ своей родины, вѣрящій въ ея великое будущее.

Ф. А. Станоевичъ, секретарь посольства.

Д. И. Поповичъ родился въ 1866 г. Окончивъ гимназію въ Бѣлградѣ, онъ поступилъ въ университетъ и прослушалъ курсъ философскихъ наукъ. Закончилъ онъ свое образованіе за границей, прослушавъ курсъ въ вѣнскомъ университетѣ.

Избравъ дипломатическое поприще, молодой Поповичъ послѣдовательно прошелъ всѣ ступени дипломатической іерархической лѣстницы. Парижъ, Вѣна, Софія, Константинополь, Петербургъ (въ 1897 г.), Триестъ, Будапештъ — таковы были этапы его службы.

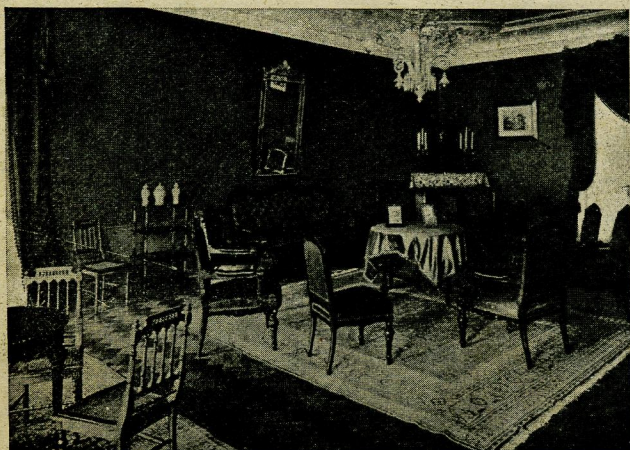
Призванный затѣмъ на постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, г. Поповичъ вернулся на родину и въ кабинетахъ Пашича и Стояновича помогалъ своимъ опытомъ и знаниями дѣлу развитія внѣшней политики Сербіи.

— Въ 1907 году, — рассказываетъ Д. И. Поповичъ, — мнѣ было предоставлено на выборъ, въ какой изъ столицъ я хочу представлять интересы Сербіи. Я выбралъ Петербургъ. Меня тянуло въ Россію, великую матеръ славянства...

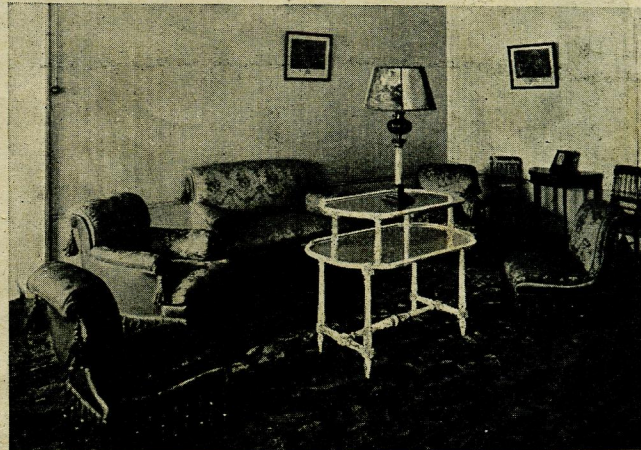
Д. И. Поповичъ хорошо говоритъ по-русски, съ любовью изучаетъ русскую литературу.

Секретарь посольства Фотій Архангеловичъ Станоевичъ родился въ 1877 г. Прослушавъ курсъ юридическихъ наукъ въ университетѣ въ Бѣлградѣ, онъ окончилъ затѣмъ высшую школу политическихъ наукъ въ Парижѣ. Избравъ дипломатическое поприще, онъ былъ назначенъ въ Салоники, гдѣ прослужилъ три года. Послѣ этого былъ переведенъ въ Петербургъ.

Г. Станоевичъ — запасной кавалерійскій поручикъ.

Приемный залъ.

Гостиная.

резь-пѣсколко минутъ и слѣдь ея про-
стыль. Фридина съ облегченнымъ сердцемъ
вернулась въ комнату.

«Боже мой! И изъ-за такого пустяка
Анна могла создать себѣ муку. Она точно
также вѣдь могла это уладить, отказавшись
отъ какой-нибудь бездѣлушки».

— Ушла Марта, — весело сообщила она
сестрѣ, — я ей дала мое кольцо — она очень
даже довольна была...

Анна вздохнула. По крайней мѣрѣ, эта
неприятность устранена. Но все остальное...

Въ это время раздался звонокъ, и Фри-
дина пошла открыть зятю.

Христіанъ ласково поздоровался со своя-
чицей, но лицо его омрачилось, когда онъ
вошелъ въ столовую. Холодно поклонив-
шись женѣ, онъ сѣлъ за столъ, сталъ пере-
читывать какое-то уже распечатанное пись-
мо. Фридина пошла на кухню за ужиномъ.

Выходя изъ комнаты, она замѣтила, что
Анна съ трудомъ поднялась со своего мѣ-
ста и подошла къ столу съ искаженнымъ отъ
боли лицомъ. Это быстрое тягостное впе-
чатлѣніе точно сняло какую-то пелену съ
глазъ Фридины. Это-ли самый молчали-
вый, угрюмый человѣкъ благоговѣнно обо-
жалъ и холить Анну, когда она была его
невѣстой и въ первые мѣсяцы супружества?

И что это съ Анной творится? Еще сегодня
днемъ на каткѣ она была такъ оживлена...
Или объясненіе съ горничной такъ разстрои-
ло ее? Съ этими вопросами, на которые она
не находила отвѣта, она собрала на поднось

незатѣйливый ужинъ: печеный картофель,
хлѣбъ съ масломъ и чай. Послѣдніе мѣсяцы
она часто удивлялась скромному хозяйству
Анны. Но была слишкомъ хорошо воспитана,
чтобы позволить себѣ какой-нибудь вопросъ
или критическое замѣчаніе, даже сестрѣ, у
которой жила въ качествѣ гостыи.

Когда она вошла съ подносомъ въ столо-
вую, Христіанъ все еще мрачно и неподви-
жно читалъ письмо. Фридина сѣла за столъ
и привѣтливо подвинула къ зятю блюдо.

— Отчего Фридина подаетъ? — спросилъ
онъ. — Гдѣ горничная?

— Она ушла, — сказала Анна и Фриди-
на добавила:

— Подумайте только, какая дѣвушка!
Ушла, даже не предупредивъ! Мы ее, ко-
нечно, не задерживаемъ.

Христіанъ продолжалъ:

— Ничего не понимаю! Должна бы была
быть какая-нибудь причина... Или она
лованья своего не получила? — спросила
онъ съ внезапнымъ подозрѣніемъ.

Анна молчала, но Фридина горячо
тестовала:

— Что вы, ей заплатили все, что
слѣдовало.

Христіанъ покачалъ головой:

— У насъ съ нѣкоторыхъ поръ что-то
такое творится неладное... Я не понимаю,
въ чемъ дѣло?... Правда, съ тѣхъ поръ,
какъ отецъ твой умеръ, у насъ бюджетъ
скромнѣе, но теперь только я вижу, какъ
ты не расчетлива и не умѣешь вести хозяй-

ство. Ну, что это за ужинъ, напримѣръ, —
картофель и хлѣбъ съ масломъ... Умѣешь
ты семейный уютъ создавать — могу ска-
зать!

Христіанъ всталъ и взволновано заша-
галъ по комнатѣ.

— Всюду однѣ неприятности, — раздражи-
тельно сказалъ онъ. — Я получилъ сегодня
письмо отъ душеприказчика твоего отца...
Мнѣ необходимо немедленно поѣхать въ
Гамбургъ переговорить съ нимъ, а то еще
больше запутаются дѣла.

Очъ вынулъ изъ кармана письмо и сердито
бросилъ на столъ передъ Анной. Она взя-
ла его въ руки, повертѣла, не читая, и,
чтобы взглянуть на мужа, сказала:

— Чего же ты ко мнѣ придираешься?
Развѣ мнѣ легче? Что я? Или я во всемъ
вѣдомъ виновата?

— Виновата! — насмѣшливо восклик-

нулъ Фрѣ Христіанъ, — какъ будто въ этомъ дѣ-
лѣ виновата ты или нѣтъ?.. Я женился

на тебѣ, какъ на дочери богатаго человѣка,
глубоко зналъ, что онъ живетъ не по сред-

ствамъ. Когда я заявилъ твоему отцу, что
я при всѣхъ моихъ чувствахъ не смогу

кружить тебя комфортомъ, къ которому ты
привыкла, онъ разсмѣялся и сказалъ, что

мнѣ беспокоится нечего — онъ дастъ своей
дочери княжеское приданое и обезпечитъ ее
ежегодной рентой, а потомъ все, что у него
есть, перейдетъ къ его дочерямъ. Ну, ко-
нечно, мнѣ и въ голову не пришло отка-
заться отъ наслѣдства и опекунства надъ

Чествованіе М. Г. Савиной въ Александринскомъ театрѣ 24-го февраля.

Фридиной, и я получил неуплаченные векселя и счета, вот так наследство!...

Пока Христианъ говорилъ, Анна тихо плакала.

Едва онъ замолкъ, она выпрямилась и съ негодованіемъ воскликнула:

— Потому, что ты ради денегъ моихъ женился на мнѣ! У тебя хватило безыдства поставить отцу моему требованіе, и онъ еще больше запутался въ долгахъ...

И она опять разразилась громкимъ плачемъ. Христианъ побѣдѣлъ, какъ снѣгъ. Онъ ничего такъ не боялся, этотъ ровный, сдержанный человекъ, рѣдко выходившій изъ себя, какъ семейныхъ сценъ. Онъ несколько мгновений растерянно смотрѣлъ на жену, потомъ обратился къ Фридинѣ, сидѣвшей молча съ застывшимъ лицомъ:

— Фридина, я отъ души жалѣю, что вы должны узнать истинное положеніе въ такой грубой формѣ, но вы умная женщина... Вамъ, можетъ быть, удастся на нее... Что толку въ твоихъ слезахъ крикнуть онъ, опять закивая гнѣвомъ, лучше бы экономничать и хозяйничать учились!... Нѣтъ, не могу я оставаться ма!... Все равно, я завтра хотѣлъ уѣхать, поѣду сейчасъ... Фридина, помогите мнѣ, пожалуйста, уложить кое-какія вещи...

Фридина встала и молча помогла ему уложиться.

Христианъ пожалъ ей руку и быстро выпелъ изъ комнаты, не оглянувшись на жену. Фридина испуганно смотрѣла на измѣнившееся, измученное лицо Анны.

— Пойдемъ, Анна,—кратко сказала она,—лягъ въ постель... Ты заболѣешь... Завтра

мы спокойно все обсудимъ... Что-нибудь надо сдѣлать—это ясно, какъ день, но теперь ложись... Прежде всего отдохни...

Она повела сестру въ спальню и помогла ей раздѣться. Впервые въ своей жизни Фридина сознательными глазами смотрѣла на роскошь, окружавшую ее и Анну. Впервые подумала она о томъ, что можно было бы жить и безъ этой богатой стильной мебели, безъ этого великолѣпнаго, отдѣланнаго дорогими кружевами бѣлья, и всѣхъ этихъ ненужныхъ драгоценныхъ бездѣлушекъ.

Анна вся горѣла и дрожала всѣмъ тѣломъ. Фридинѣ внезапно ясно стало, что съ ней начинается какая-то болѣзнь, и она съ ужасомъ почувствовала, что силы измѣняются. Что она можетъ сдѣлать для нея — одна!...

— Ты словно угадавъ ея мысль, взяла ее на руки и прошептала:

— Ничего, ничего не будетъ... Положи компрессъ на голову... Такъ... Спокойно... а теперь иди спать... Это не опасно. Не волнуйся...

Фридина подумала, что и для Анны самое лучшее теперь — отдыхъ, и ушла къ себѣ; оставивъ дверь раскрытой, она раздѣлась и легла, но уснуть не могла. Она смотрѣла въ тускло-голубой свѣтъ ночника. Въ усталой головѣ что-то темное и неодолимое тяжело влачили ея мысли. И было больно вискамъ, и сонъ не шелъ. Время шло, часы мѣрно выбивали удары. Фридинѣ слышалось, что Анна заметалась, застонала. Она соскочила съ кровати и побѣжала къ ней. Молодая женщина металась во всѣ сто-

роны, ея лицо горѣло, и губы шептали безсвязныя слова. Когда Фридина разбудила ее, она попросила воды и опять впала въ забытѣе. До самаго утра Фридина была безпомощной свидѣтельницей ея мукъ. Едва занялся день, она спустилась къ швейцару и попросила жену его помочь ей. Гостившая у нихъ племянница согласилась замѣнить временно прислугу, а часа черезъ два пришелъ и докторъ. Анна настойчиво прсила, чтобы позвали не домашняго врача, лѣчившаго ихъ семью, а доктора Штарке.

Фридина мало знала его, но не любила его за самодовольно-увѣренный видъ и безстыжью улыбку. Она холодно поздоровалась съ нимъ и ушла къ себѣ. Прошло много долгихъ минутъ. Ее удивило, что онъ, при своей большой практикѣ, такъ затянулъ свой визитъ. Вдругъ дверь изъ комнаты сестры открылась и докторъ громко крикнулъ дѣвушку. Фридина быстро вышла къ нему и предложила свои услуги.

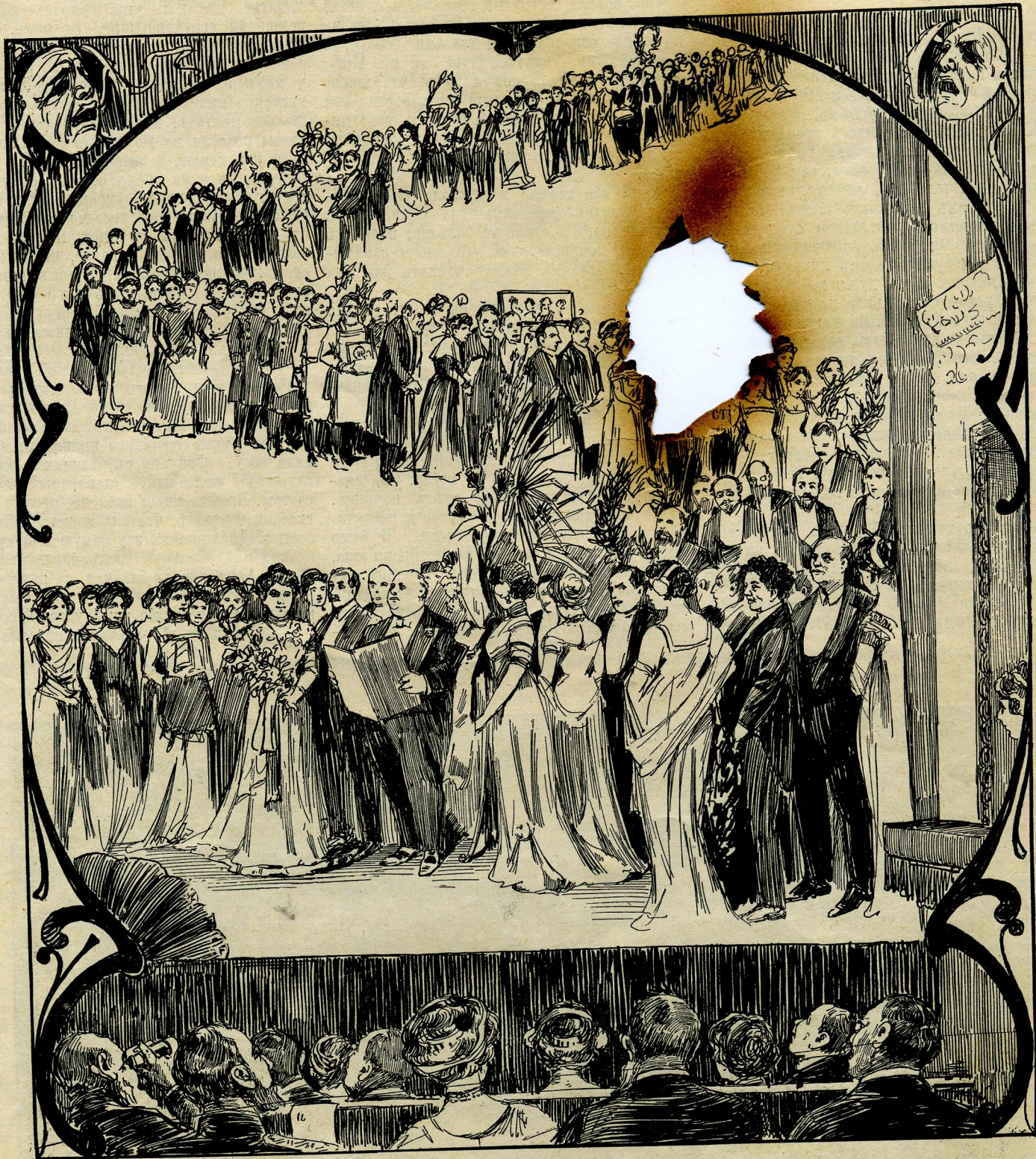
— Нѣтъ, нѣтъ, только не васъ, уходите, только не васъ, — отфѣтилъ докторъ и закрылъ опять за собою дверь. Въ домѣ поднялось движеніе. Раскрывали, закрывали двери. Изъ кухни торопливо приносили и уносили воду. Фридина съ бьющимся сердцемъ слушала жалобный, сдавленный стонъ сестры. Прошло много времени, прежде чѣмъ сказали Фридинѣ, что она можетъ войти къ сестрѣ. Дѣвушка въ эту самую минуту вырвалась изъ спальни узелъ окровавленнаго бѣлья. Анна лежала блѣдная, съ полузакрытыми глазами; она не въ силахъ была говорить и только слабо улыбнулась Фридинѣ.

— Что съ нею?—спросила Фридина д-ра

Подарки, поднесенные М. Г. Савиной въ день юбилея. Въ столовой артистки.

Со снимка фотографа К. К. Булга.

Рѣдко александринская сцена видѣла такое парадное чествованіе, какого удостоилась М. Г. Савина въ день своего 35-лѣтняго юбилея. Когда послѣ четвертаго отрывка поднялась завѣсъ, передъ зрителемъ оказалась сіяющая сцена, занятая артистами мѣстной и другихъ сценъ, дѣятелями театра, драматическими писателями и депутациями. Въ престольныхъ платьяхъ налѣво отдѣлились дамы.

Юбилярша вышла подъ-руку съ г. Аполонскимъ на середину сцены. Мичурина и Потоцкая выступили съ вѣнкомъ.

Юбилярша пожимала руки представителямъ депутатій и цѣловала старыхъ сослуживцевъ и подругъ.

Не было конца адресамъ, вѣнкамъ—серебрянымъ и лавровымъ, цѣннымъ подношеніямъ и привѣтамъ, привѣтамъ, привѣтамъ. Цѣлый ювелирный магазинъ образовался на сценѣ.

Рисунокъ нашего художника даетъ на первомъ планѣ г. Давыдова, читающаго адресъ сперва отъ Августѣйшаго президента русскаго театральнаго общества Великаго Князя Сергія Михайловича и затѣмъ отъ александринской группы. Далѣе, видны красивыя фигуры г-жъ Славной, Потоцкой и Кузнецовой-Венуа; за ними идутъ: гг. Тартаковъ, Серебряковъ и Далматовъ. Правѣ—въ группѣ драматурговъ—гг. Евтихій Карповъ, Рыжковъ, Протопоповъ. Далѣе видны: депутация Малаго театра съ г. Глаголиннымъ, держащимъ въ рукахъ серебряное ведро съ ковномъ, депутация призрѣваемыхъ въ убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей, депутация театральнаго плотниковъ, студентовъ, слушательницъ театральнаго училища, представительницъ драматическихъ курсовъ и т. д., и т. д.

Трудно перечислить всѣ депутации. Произ-

вела впечатлѣннѣ глубокая старушка, прочитавшая выраженіе трогательной благодарности покровительницѣ артистовъ-инвалидовъ. Дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, не менѣе глубокой старикъ, съ костылькомъ, прочелъ такую же благодарность отъ своихъ коллегъ.

Юбилярша была растрогана. Слезы на глазахъ были и у нѣкоторыхъ молоденькихъ артистокъ на сценѣ. Заявлено объ учрежденіи многихъ стипендій имени М. Г. Залъ безъ конца вызывалъ дорогую именинницу.

Только черезъ нѣсколько дней М. Г. Савина разобралась въ громадномъ количествѣ подношеній, сдѣланныхъ ей въ этотъ вечеръ. Тутъ были и образа, и вѣнки, серебряные, золотые, цвѣточныя, портреты, драгоценности, адреса, стихи и даже хоругвь.

Столовая и другія комнаты квартиры Савиной превратились въ своеобразный музей.

VII выставка картинъ „Союза русскихъ художниковъ“.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ».

Рерихъ.—«Ростовъ Великій».

В. А. Сѣровъ.—«Портретъ Е. П. Оливъ».

В. Д. Фалилеевъ.—«Разсвѣтъ» (гравюра на линолеумѣ).

К. А. Сомовъ.—«Спящая молодая женщина» (акварель).

Въ нынѣшнемъ году въ «Союзѣ русскихъ художниковъ» выставлено болѣе 500 произведеній разныхъ авторовъ, отражающихъ всѣ вѣянія современности, начиная съ передвижничества и кончая крайнимъ декадентствомъ. По обыкновенію, выдѣляются произведенія совершенно опредѣлившихся художниковъ, какъ Л. С. Бакстъ, Александръ Бенуа. И. Я. Билибинъ, И. И. Бродскій, Аполлинарій Васнецовъ, С. А. Виноградовъ, А. Ф. Гаушъ, М. В. Добужинскій, С. Ю. Жуковскій, луч-

К. С. Петровъ-Водкинъ.—«Старухи».

шія полотна котораго выставлены у передвижниковъ, Б. М. Кустодіевъ, Е. Е. Лансере, Г. К. Лукомскій, Л. О. Пастернакъ, К. С. Петровъ-Водкинъ, Н. К. Рерихъ, К. А. Сомовъ, А. В. Срединъ, В. А. Сѣровъ, В. Д. Фалилеевъ, К. Ф. Юонъ, С. П. Яремичъ и др. Преобладаетъ направленіе декоративное, съ тяготѣніемъ къ преувеличенной красочности. Композиція, — если не считать стильной и интересной картины Александра Бенуа «Помѣщикъ въ деревнѣ», — почти отсутствуетъ. Пе-

ріодъ исканій, повидимому, закончился; новаго въ декоративной живописи, дошедшей до крайняго предѣла, ожидать болѣе не приходится. Намѣчаются нѣкоторые признаки поворота къ классическому русскому пейзажу, геніальную основу которому положилъ безвременно погибшій Федоръ Васильевъ. Искусство не можетъ не вернуться къ любовному изученію природы, тайна гармоніи которой постигается лишь непосредственнымъ чувствомъ и вдохновеніемъ.

Штарке,—она скоро поправится? — От нея не услыхуло, что Анна сдѣлала д-ру какой-то знакъ, она, должно быть, просила доктора не говорить ей правду, чтобы не оторчать ея. И хотя докторъ успокоилъ ее, сказалъ, что болѣзнь Анны не опасна, она уже не вѣрила ему, и считала виноватой только себя—это она позвала ее вчера на батокъ. Докторъ скоро ушелъ, увѣряя ее, что Анна черезъ недѣлю встанетъ и что простуда тутъ ровно не при чемъ.

III.

Докторъ Эльвинъ Бауэръ проснулся въ это утро позднѣе обыкновеннаго. Быстро окатился холодной водой, одѣлся и распахнулъ окно. Было свѣжее, ясное утро. Эльвинъ улыбался глубокому, синему небу, восхристой тишинѣ и какимъ-то своимъ неуловимымъ, радостнымъ ощущеніямъ. Это было отраженіе вчерашнихъ переживаній, вчерашней встрѣчи съ Фридиной Брандтъ. Сладостнымъ видѣніемъ стоялъ передъ его душою ея образъ, и онъ чувствовалъ, что ея неизъяснимое очарованіе надолго заполонило его.

Эльвинъ вошелъ въ столовую, гдѣ его ждали сестры, Елена и Софья, только что вернувшіяся изъ церкви. Быстро пробѣжавъ свои музыкальныя рецензіи въ газетѣ, лежавшей подлѣ его прибора, Эльвинъ принялся за завтракъ. Заговорили объ Агатѣ и ея близнецахъ... Заболѣлъ-ли Эльвинъ, какъ влоха Агата... Несчастная Агата!.. Докторъ говорить, что надо ее на югъ отправить... Но развѣ можетъ она оторваться отъ такой большой семьи?... Она еще дѣвчушкой была слабаго здоровья... Лучше было бы ей вовсе не выходить замужъ!..

Но разговоръ скоро перешелъ на другія темы. Эльвинъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія подумалъ о томъ, что сублиа, во крайней мѣрѣ, его и сестеръ избавила отъ сомнительныхъ радостей супружества. Маленькій, прихотливый ожокъ когда-то всколыхнулъ было и покой Елены и Софьи. Но когда иллюзии разлетѣлись, сердца ихъ вовсе не оказались разбитыми. Напротивъ—онѣ даже окрѣпли. Софья вскорѣ проявила себя, какъ отличная преподавательница, а Елена умѣло и дѣловито вела общее ихъ хозяйство.

Послѣ завтрака Эльвинъ вышелъ изъ дому. Шелъ онъ какъ будто безъ определенной цѣли, но ноги привели его къ дому, гдѣ жила Фридина Брандтъ. Уже у самыхъ дверей онъ въ перѣшительности остановился, потомъ собрался съ духомъ и позвонилъ.

Въ тревожной суетѣ этого дня ни Фридина, ни Агата не подумали распорядиться на случай, если придетъ кто-нибудь.

Когда дѣвушка подала Фридинѣ визитную карточку, она, не глядя на нее, сказала:

— Совершенно невозможно: извинитесь за насъ, пожалуйста, передъ этимъ господиномъ!..

Но, прочитавъ имя на карточкѣ, она вспыхнула и поспѣшно вернула дѣвчушку.

— Погодите, я выйду къ нему... попросите его только обождать немного...

Она пригласила свои блестящія черныя волосы, сказала сестрѣ, что, по ея мнѣнію, неловко и невѣжливо отказать доктору Бауэру, и вышла въ гостиную. Эльвинъ встрѣтилъ ее изумленнымъ взглядомъ: полъ глазами ея лежали лиловыя тѣни, лицо осунулось, поблѣднѣло. Онъ былъ расстроганъ и взволнованъ происшедшей въ ней переменной.

— Извините, что я заставила васъ ждать,—любезно сказала Фридина,—и что сестра моя не принимаетъ васъ...

Она рассказала ему, что сестра простудилась, и, повидимому, вчера на каткѣ, что зятъ уѣхалъ и пришлось пережить нѣсколько непріятныхъ часовъ...

Эльвинъ умиленно и восторженно смотрѣлъ на ея милое, беспомощное лицо, на ея граціозную фигуру, казавшуюся еще болѣе гибкой, еще женственнѣе въ свободномъ японскомъ кимоно, и сказавъ нѣсколько обычныхъ въ такихъ случаяхъ фразъ сожалѣнія, извинился за несвоевременный визитъ и откланялся. Фридина сказала ему на прощанье:

— Я благодарю васъ за то, что вы пришли... Отъ души...

И пожала ему руку.

Эльвинъ, выйдя изъ подъѣзда, пошелъ безъ цѣли по бѣлой мерзлой улицѣ и досады кусалъ себѣ губы...

Его увлеченіе Фридиной Брандтъ казалось ему бессмысленнымъ. Къ чему оно могло привести... Жениться? Смѣшно! Чѣмъ смѣшно—невозможно! Жена не нужны художнику, мыслителю, ку, жаждущему одиночества... Онъ машинально взглянулъ на часы и вспомнилъ музыкальное утро, о которомъ долготечетъ, кликнувъ извозчика и пошелъ на концертъ.

Фридина, спрятавшись за портъ, смотрѣла Эльвину влѣдъ и тихо проговорила его имя. Потомъ вошла къ сестрѣ. Вечеромъ опять пришелъ докторъ Штарке, и Фридина уже изъ своей комнаты невольно подслушала, въ открытую изъ кухни дверь, разговоръ между женой швейцара и его племянницей.

— Недѣлю надо барынѣ пролежать въ кровати...

— Когда же это случилось?—спросила жена швейцара.

— Не знаю,—отвѣтила племянница.— Кажется, вчера или позавчера... А, можетъ быть, и раньше...

Фридина съ недоумѣніемъ пожала плечами... Очевидно, эти женщины какъ-то иначе, по своему, представляютъ себѣ болѣзнь сестры-чудачки!..

Когда Фридина вошла въ спальню Анны, докторъ Штарке прервалъ разговоръ, посмотрѣлъ рентены и сказалъ, что все обстоитъ благополучно и ушелъ.

Вечеръ прошелъ въ молчаніи. Фридина была разсѣянна, Анна дремала. Ночью Фридина долго уснуть не могла. Было уже очень поздно, когда она сошла съ кровати, чтобы взглянуть на больную. Анна не спала. Фридина взяла ея руки, прижала ихъ къ своему лицу и взволнованно прошептала:

— Сестра, сестра моя!

— Ты уже знаешь?—спросила Анна, и глаза ея наполнились слезами. Фридина испуганно вздрогнула—она ничего не знала. Но Анна продолжала:

— Разъ ты уже знаешь, то я тебѣ все скажу... Потому что у меня никого нѣтъ, кромѣ тебѣ... И это невыносимо—такое одиночество... Ты понимаешь, Фридина?... У меня ребенокъ могъ быть... Но не отъ Христіана! Онъ отвернулся отъ меня, и я измѣнила ему! Но онъ догадался бы, что ребенокъ не его... И этого не должно было быть, это было бы ужасно, Фридина!.. Ахъ, Богъ мой! И вотъ устраиваютъ такъ, чтобы ребенокъ родился раньше, когда еще онъ не живой!..

Фридина припала лицомъ къ одѣялу сестры и только тихо вздрагивала.

— И ты это сдѣлала?—глухо спросила она, медленно поднявъ голову.

Анна опустила глаза, но тотчасъ же овладѣла собой и спокойно заговорила:

— Это было бы ужасно, Фридина. Подумай только, въ нашемъ положеніи кормить еще маленькаго ребенка... Тѣмъ болѣе—чужого... Я иначе поступить не могла... Не смотри на меня такъ, Фридина!

Анна, рыдая, привлекла къ себѣ сестру. Все, что она пережила въ послѣдніе мѣсяцы—тоска, страхъ и постоянное притворство

— все разрѣшилось теперь горячими слезами стыда и раскаянія.

Наконецъ Фридина выпрямилась и прошептала:

— И кто же этотъ безчестный человекъ?...

Анна едва слышно отвѣтила:

— Клеменсъ Флигеръ...

— Стало быть, Марта была права!... Стало быть, ея глумливыя слова не были ложностью!..

Мысли вихремъ закружились въ голове Фридины. Она туго спросила:

— Но надѣюсь, ты съ нимъ видѣться больше не будешь?...

— Это было бы очень глупо,—отвѣтила Фридина.— Напротивъ, наши отношенія остаются прежними. Онъ меня, по крайней мѣрѣ, не компрометируетъ... Даже матеріально не держу предлогъ... При его содѣянъ, другая марокъ роли не играетъ... Христіанъ не узнаетъ, откуда у Фридины деньги... И все опять пойдетъ хорошо... Фридина теперь, потому что должна была заплатить... Когда Христіанъ придетъ, вернется, мы ему скажемъ, что я была простужена... Это стоило денегъ. Но какое облегченіе, если-бъ ты знала, Фридина, какъ я рада, что освободилась отъ этого!..

И она улыбалась. Ея порхающій, поверхностный умъ, легко переходившій отъ смерти къ преступленію, отъ преступленія къ нарушенію супружеской вѣрности, въ эту минуту оцѣнивалъ лишь преимущества настоящаго положенія. Она вытерла послѣднія слезы, погладила холодную руку Фридины и сказала:

— А теперь—спать, спать иди Фридина! И не думай обо мнѣ дурно... И не принимай этого близко къ сердцу... Все будетъ хорошо... — Покойной ночи, Анна,—машинально сказала Фридина и, какъ во снѣ, прошла въ свою комнату.

Она долго сидѣла на своей кровати, не будучи въ состояніи связать своихъ странныхъ жуткихъ мыслей. На сердцѣ лежала свинцовая тяжесть, голову сдавливали больно желѣзные руки; изъ глазъ ея выкатилось нѣсколько холодныхъ слезъ, и она уснула съ мыслію: избавь меня Господи... отъ жизни!..

IV.

Фридина Брандтъ писала д-ру Бауэру.

«Сестра и я сердечно благодаримъ васъ за вниманіе къ намъ, за интересныя книги и прелестные цвѣты. Сестра моя долго хворала, и книги ваши скрасили намъ много печальныхъ дней. Одну изъ вашихъ книгъ, докторъ, я читала одна, я вообразила себѣ, что вы ее назначили исключительно для меня одной. Сознаюсь, что я многого въ ней не поняла. Неужели жизнь такъ ничтожна и ужасна, что самое лучшее—добровольно отказаться отъ нея. Я очень люблю жизнь, я полна еще надеждъ и думаю, что человеческая воля можетъ побѣдить всякую печаль и разочарованіе. Но, тѣмъ не менѣе, эта книга глубоко взволновала меня и разбудила во мнѣ много мыслей».

Докторъ Бауэръ отвѣтилъ ей:

«Я и не предполагалъ, что книга эта произведетъ на васъ такое сильное впечатлѣніе. Тѣмъ болѣе, что, насколько мнѣ удалось замѣтить, въ характерѣ вашемъ столько рѣдкой въ наше время ровности и спокойствія. Во всякомъ случаѣ, я очень радъ случаю, давшему мнѣ возможность послать вамъ книги. Позволяю себѣ послать вамъ при этомъ письмѣ два билета на сегодняшний концертъ. Я буду безмѣрно счастливъ, если вы и сестра ваша воспользуетесь ими. Съ почтительнымъ привѣтомъ, д-ръ Эльвинъ Бауэръ».

Фридина съ трепетной радостью прочитала нѣсколько разъ письмо и вошла въ гостиную, гдѣ сестра и зять сидѣли за послѣбѣдненнымъ чаемъ. Со времени возвращенія Христіана, отношенія между супругами стали лучше. Христіанъ, противъ своихъ ожиданій, уладилъ свои дѣла и вернулся въ хорошемъ настроеніи. Жену онъ засталъ больной и расканвался въ своей нестерпимости въ вечеръ отъѣзда. Онъ полагалъ, что эта сцена способствовала ухудшенію ея болѣзни. Причины болѣзни онъ не зналъ. Когда Анна стала поправляться, онъ окружилъ ее нѣжными заботами и вниманіемъ. Анна въ тѣ дни получила письма, повидимому, представлявшія для нея большой интересъ. Хотя она сестрѣ ничего не говорила, но Фридина скоро догадалась, что она переписывается съ банкиромъ Клеменсомъ Флигеромъ. Она замѣтила также, что дома опять появился достатокъ: столъ сталъ обильнѣй и вкуснѣй, и Анна дѣлала покупки, на которыя раньше не рѣшалась. Христіанъ, обыкновенно въ мелочъ не входившій, замѣтилъ, однако, что хозяйство упрямилось, и радовался въ душѣ, что сумѣлъ воздѣйствовать на жену. Между супругами царило согласіе.

Какъ только Анна оправилась, она стала избѣгать интимныхъ разговоровъ съ Фридиной и старательно воздвигала между собою и нею стѣнку равнодушія. Она, повидимому, расканвалась въ откровенныхъ признаніяхъ, которыя сдѣлала ей во время болѣзни.

Фридина сообщила, что д-ръ Бауэръ прислалъ билетъ въ концертъ.

— Что же, — сказалъ Христіанъ, — пойдите, Фридина, это отличный будетъ концертъ... Аннѣ еще рискованно выходить, но вы можете и одна пойти, тѣмъ болѣе, концертъ духовный.

Фридина одѣвалась вечеромъ въ радостномъ, приподнятомъ настроеніи. Она пришла къ самому началу концерта и Эльвина въ толпѣ разглядѣть не могла. Онъ подошелъ къ ней уже въ антрактѣ. Она подала ему руку съ просіявшимъ отъ радости лицомъ. Эльвинъ Бауэръ сѣлъ подлѣ нея и время отъ времени обращался къ ней съ незначительными словами, только для того, чтобы она повернула къ нему свое дѣвичье, прелестное лицо. Когда концертъ кончился, онъ попросилъ позволенія проводить ее домой. Они шли, тихо разговаривая, съ ощущеніемъ той теплой, открывающей радости, которая взаимно передается иногда людямъ въ первые часы знакомства. Когда они дошли до перекрестка, гдѣ надо было Фридинѣ свернуть, Эльвинъ на мгновеніе остановился и, не спрашивая, молча повелъ ее мимо, дальше. Фридина было удивилась. Но и въ этомъ, какъ во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ Эльвинъ, было столько искренней простоты, что она, не протестуя, довѣрчиво, какъ прежде, шла рядомъ съ нимъ. Черезъ полчаса онъ привелъ ее къ подъѣзду ея дома.

— Благодарю васъ, я вамъ очень благодаренъ, — серьезно и ласково сказалъ онъ. — Я бы очень хотѣлъ встрѣтиться съ вами въ ближайшіе дни.

«Свиданіе!..» — мелькнуло въ головѣ Фридины. Его просьба показалась баналь-

ной, и она хотѣла отвѣтить отказомъ, но когда Эльвинъ опять серьезно и спокойно взглянулъ на нее и сказалъ: «Въ понедѣльникъ, въ музеѣ», она также спокойно отвѣтила:

— Хорошо, я приду.

Фридина вѣдь въ эти предвесенніе дни переживала первую тайну своей жизни. Первая любовь цѣломудренно и душисто распускалась въ ней, какъ первые весенніе цвѣты.

Съ Анной она въ эти дни разговаривала мало и не входила въ ея интересы. Банкиръ Клеменсъ Флигеръ часто приходилъ теперь къ нимъ, но какъ-то все такъ складывалось, что онъ съ Фридиной не встрѣчался, даже ни разу ея не видѣлъ.

Послѣ первой встрѣчи Эльвина съ Фридиной послѣдовали другія. Фридина рассказывала ему обо всемъ, что пережила за всю молодую жизнь, и Эльвину она представлялась чистымъ зеркаломъ, на которомъ еще не было темныхъ отраженій. Она рассказывала ему о своемъ покойномъ отцѣ, о подругахъ. Одна изъ нихъ, самая любимая ея, уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Берлинѣ — это довольно извѣстная художница, Эльвинъ, быть можетъ, знаетъ ее — Изольда Рюдигеръ.

— Конечно, знаю, — сказалъ Эльвинъ. — И даже довольно часто встрѣчаю ее. Она иногда даетъ рисунки въ нашу газету... Красивая дѣвушка, но всегда такая печальная, это совсѣмъ не вяжется съ ея молодостью...

Фридина обратила вниманіе какъ-то на

25-лѣтіе художественной дѣятельности академика Н. К. Пимоненко 9-го марта.

Академикъ Н. К. Пимоненко принадлежит къ числу наиболѣе даровитыхъ представителей «передвижничества». Превосходный рисовальщикъ, онъ воспроизводитъ бытовые сцены съ тонкою наблюдательностью, правди-

востью и колоритностью. За четверть вѣка художественной дѣятельности имъ создано немало произведеній, украшающихъ музеи и собранія частныхъ любителей. Живетъ Н. К. Пимоненко постоянно въ Кіевѣ, наѣзжая въ

Петербургъ лишь къ выставочному сезону. Въ нынѣшнемъ году онъ выставилъ нѣсколько превосходныхъ картинъ на только что открывшейся передвижной выставкѣ.

то, что онъ не провожаетъ ее никогда до самаго дома. Когда, по обыкновенію, онъ сталъ прощаться съ ней на сосѣдней улицѣ, она съ улыбкой спросила:

— Вамъ некогда пойти со мною дальше?

Эльвинъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и сказалъ:

— Времени у меня достаточно для васъ, но я полагаю, вѣдь это же въ вашихъ интересахъ, чтобы васъ не видѣли такъ часто въ сопровожденіи меня.

Она молча пожала руку и пошла домой одна.

По дорогѣ она думала о томъ, что Эльвинъ напрасно опасается скомпрометировать ее своимъ обществомъ. Ей это даже показалось педантизмомъ. Но тутъ же опять она съ раскаяніемъ подумала, что не сумѣла опѣнить его нѣжной заботливости. Потомъ ей пришло въ голову, что онъ о себѣ никогда не рассказывалъ ей. «Но не все-ли равно?—говорила она себѣ.—Я люблю его... Я люблю его!.. И она радостными глазами глядѣла на Божій міръ.

Нѣсколько дней спустя они встрѣтились въ музеѣ, и въ одномъ изъ залъ увидѣли дѣвушку, копировавшую большую картину. Это была Изольда Рюдигеръ. Бывшія подруги искренно, горячо обрадовались другъ другу. Съ Бауэрромъ она поздоровалась, какъ съ добрымъ знакомымъ. Они усѣлись втроемъ на диванъ и оживленно болтали, подруги вспоминали свои школьные годы и жизнь въ Гамбургѣ. Изольда нисколько не выражала удивленія, видя свою подругу съ д-ромъ Бауэрромъ, не спрашивала, и ея тактичность тронула ихъ обоихъ.

— Я вмѣстѣ съ вами выйду,—сказала Изольда,—я могу продолжать свою работу завтра. Подождите меня немного, я только соберу краски.

Фридина и Эльвинъ остались одни въ безмолвномъ залѣ. Солнечные лучи, струившіеся въ окна, волшебнымъ свѣтомъ озарили картины и искрились на золотыхъ рамахъ. Взгляды Эльвина и Фридины встрѣтились.

Онъ тихо обнялъ ее, привлекая къ себѣ и поцѣловалъ.

И еще, и еще... Когда Изольда Рюдигеръ вернулась, Эльвинъ и Фридина стояли передъ картиной. Они вышли изъ музея втроемъ, а Изольда увлекла Фридину въ свою мастерскую. Фридина еще впервые была въ художественной мастерской, и съ интересомъ и восхищеніемъ разглядывала оригинальное убранство, гипсовыя фигуры, рисунки, недоконченные этюды и тамъ и здѣсь разбѣшанныя ткани. На многихъ картинахъ повторялось одно и то же нѣжное личико мальчика. Фридина обратила на это вниманіе. Изольда, на вопросъ ея, спокойно отвѣтила, что это благодарная модель. Въ одномъ углу комнаты Фридина увидала фотографическую карточку Эйнингера. Она тотчасъ узнала его, но ничего не спросила и не сказала. Обѣ были слишкомъ поглощены радостью своей встрѣчи.

Фридина и Изольда стали часто бывать другъ у друга. Фридина скоро познакомилась съ подругой Изольды, артисткой — Ирвингъ Гейнманъ. Это была живая, оригинальная дѣвушка, съ интереснымъ смуглымъ личикомъ, черными кудрями и огненными глазами. Она съ большимъ юморомъ рассказывала разныя театральныя исторіи и смѣялась звонкимъ заразительнымъ смѣхомъ. Она жила въ сосѣдствѣ съ Изольдой, и, когда бывала дома, за стѣной всегда слышенъ былъ ея веселый голосъ. Изольда рассказала про нее Фридинѣ, что она отличная актриса одного изъ лучшихъ берлинскихъ театровъ и устраиваетъ свою жизнь на очень скромное жалованье, хотя при желаніи поступиться своимъ достоинствомъ и любовью къ искусству, мог-

ла бы жить въ богатствѣ и даже роскоши, потому что почитателей у нея, хоть отбавляй.

Однажды подруги одновременно взглянули на портретъ Эйнингера. Изольда взяла его въ руки и сказала:

— Я очень, очень цѣню его. Онъ мнѣ кажется значительнымъ человѣкомъ, хотя я его недавно знаю.—Ты его знаешь, Фридина, онъ мнѣ говорилъ.

Изольда смущенно замолкла, и Фридина полуслуштя спросила:

— Можно будетъ скоро поздравить тебя?

— Не знаю,—отвѣтила художница.— Жутко отдать всю душу свою человѣку—къ чему это все можетъ привести?

— Поженитесь!—въ прежнемъ тонѣ сказала Фридина.

Изольда спокойно и серьезно отвѣтила:

— Для этого могутъ быть непреодолимые препятствія... Ты, Фридина, никогда, конечно, въ такомъ положеніи не очутишься... Ты выйдешь замужъ за человѣка, котораго полюбишь, но не у всѣхъ одинаково складывается жизнь.

Въ дверь постучались. Вошла Ирвингъ Гейнманъ.

— Что случилось?—бодро спросила она, —о какихъ печальныхъ вещахъ идеть здѣсь рѣчь?

— О бракѣ,—сказала Изольда, смѣясь.

— Вещи весьма печальныя, отвратительное учрежденіе и совершенно невыгодное... Терять половину своихъ правъ и взамѣнъ получать двойныя обязанности... Потому прилетаетъ аистъ и отнимаетъ у насъ всю свободу, и красоту, и любовь мужа.

— Ну, а любовь!—съ горечью сказала Изольда.

— Лучше не будемъ объ этомъ говорить,—отвѣтила Ирвингъ.—Мы это слишкомъ разное понимаемъ...

— Ты вѣришь во власть любви?

На обратномъ пути домой Фридина думала:

«Онъ такъ свободенъ въ своихъ мысляхъ, такъ самостоятеленъ... Но почему Изольдѣ нельзя выйти за человѣка, котораго она любитъ... Ей чувствовалась въ печали Изольды, въ недоговоренныхъ словахъ какая-то тайна, которую она тщетно старалась угадать...»

Дома Фридина застала гостя. Она хотѣла пройти въ свою комнату, но Христіанъ позвалъ ее на балконъ и представилъ ей гостя. — Нашъ другъ, Фридина, Клеменсъ Флигеръ.

Несмотря на неприятныя чувства, которыя вызвалъ въ ней видъ этого человѣка, надо было быть любезной и поддерживать разговоръ. Отъ нея не ускользнуло, что Флигеръ часто поглядывалъ на нее, чаще, чѣмъ позволяло его странное положеніе въ этомъ домѣ.

Христіанъ настойчиво и радушно удерживалъ его, и Флигеръ съ явнымъ удовольствіемъ затянулъ свой визитъ. Послѣ его ухода Христіанъ съ улыбкой сказалъ Фридинѣ:

— Вы одержали сегодня побѣду, если я не ошибаюсь.

Фридина рѣзко отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста!..

Анна недовольно выговорила мужу за то, что онъ говоритъ Фридинѣ глупости, сказала, что у нея болитъ голова, и ушла къ себѣ.

V.

Анна не могла не видѣть, что Флигеръ серьезно заинтересованъ ея гордой сестрой. Она боялась Фридины и возненавидѣла ее за то, что та знала ея тайну, и изъ страха она не объявляла ей открыто войны, но донимала мелкими придирками.

Фридина ограждала себя только холодной гордостью и молчаніемъ. Она съ тескою жда-

ла дня, когда судьба свяжетъ ее съ любимымъ человѣкомъ и вырветъ ее изъ невыносимой обстановки. Съ тѣхъ поръ, какъ Клеменсъ сталъ открыто бывать въ домѣ, онъ пересталъ тайно приходить къ Аннѣ, и она чаще, чѣмъ онъ желалъ этого, ѣздила къ нему. Она утомляла его своими вспышками нѣжности и ревности, но онъ избѣгалъ ссоръ съ ней, боясь лишиться возможности видѣть Фридину. Въ своихъ объясненіяхъ съ нимъ она не рѣшилась упоминать имя сестры, но, когда Флигеръ послалъ ко дню рожденія Фридинѣ корзину раскошныхъ бѣлыхъ розъ, она не вытерпѣла и устроила ему сцену. Флигеръ воспользовался ею, чтобы объяснить съ Анной на чистоту. Онъ заявилъ ей, что бесконечно благодаренъ ей за счастье, которое она ему дала, но что связь съ ней тяготитъ его теперь, что онъ всей душою радъ выручать ее изъ матеріальныхъ затрудненій... Положилъ ей въ боковой карманчикъ жакета нѣсколько банковыхъ билетовъ и добавилъ, что ея подозрѣнія насчетъ Фридины не обосновательны, что она ему очень нравится,—если бы онъ не опасался отказа, то давно уже сдѣлалъ бы предложеніе. Въ первую минуту Анна рванулась было къ нему, чтобы ударить его по лицу, но мгновенно сообразила, что ей невыгодно съ нимъ ссориться, скрѣпя сердце, покорно простилась съ нимъ и ушла. Ближайшіе дни прошли въ суетѣ и хлопотахъ. Анна и Фридина участвовали въ благотворительномъ базарѣ, и заботы о костюмахъ, объ устройствѣ кіосковъ даже сблизили ихъ опять.

Клеменсъ Флигеръ между тѣмъ оказалъ значительную услугу Христіану фонъ-Герцу и заручился его общаніемъ склонить Фридину къ согласію стать его женой. Христіанъ отвѣтилъ ему, что съ своей стороны онъ, какъ опекунъ Фридины, имѣющій на нее извѣстныя права, считаетъ своимъ правомъ еще до объясненія съ Фридиной, обѣщать ему ея руку. Онъ сегодня же переговоритъ съ нею и увѣренъ, что съ ея стороны препятствій не встрѣтится. Какъ разъ сегодня базаръ, и онъ самъ, Флигеръ, найдеть тоже немало случаевъ перетолковать съ ней. Вернувшись отъ Флигера домой, Христіанъ позвалъ къ себѣ Фридину и безъ предисловія сообщилъ, что принесъ ей радостное извѣстіе: Клеменсъ Флигеръ проситъ ея руки...

Фридина похолодѣла отъ испуга, но сохранила внѣшнее спокойствіе, и, выслушавъ Христіана до конца, отвѣтила ровнымъ голосомъ:

— Это невозможно! Я Флигера не люблю и женой его не буду...

— Нѣтъ! — гнѣвно воскликнулъ Христіанъ. Выпитое съ Флигеромъ вино ударило ему въ голову. — Нѣтъ! А я говорю вамъ, что вы будете его женой...

— Но вѣдь я сказала вамъ, что не люблю его...

— Но я ему уже далъ общаніе... Вы не поставите меня въ смѣшное положеніе?.. Я, какъ опекунъ вашъ, приказываю вамъ выйти за Флигера.

Фридина покачала головой:

— Подумайте только, что вы говорите, Христіанъ, неужели вы можете мнѣ приказывать?!

— Нѣтъ! — хрипло крикнулъ онъ. — Я могу даже заставить васъ... Я пѣлый годъ держалъ васъ въ своемъ домѣ и кормилъ васъ... Вы должны считать себя счастливой, что онъ обратилъ на васъ вниманіе... Еще только сегодня Флигеръ далъ мнѣ въ долгъ такую сумму, что...

— Довольно! — громко крикнула Фридина. — Я насквозь вижу васъ!.. Несмотря на все богатство Флигера, я за него не пойду!.. Повѣрьте, у меня серьезныя причины...

— Успокойся, успокойся, Фридина! —

простонала вбѣжавшая въ комнату Анна, съ мольбой протягивая къ сестрѣ руки.

— О, я спокойна... Я ничего больше слушать и говорить не буду... Я сейчас же уйду изъ этого дома, гдѣ одно вполнѣ стоять другого...

— Но базаръ, базаръ... Скоро пора одѣваться... — взволнованно говорила Анна. Фридина громко, насмѣшливо разсмѣялась:

— Пойди одна со своимъ мужемъ на базаръ, я сдѣлаю то, что сказала...

Хмель почти прошелъ у Христiana... Что она такое говорить?... Онъ подошелъ къ ней и съ отталкивающимъ смѣхомъ спросилъ:

— Куда это вы пойдете? Фридина смѣрила его презрительнымъ взглядомъ и сказала:

— Если вы можете это понять, вы — человекъ, берущій деньги за свой позоръ, — извольте: я уйду къ человекъ, котораго люблю!..

Анна, какъ тигрица, подскочила къ ней, и подняла руку, чтобы ударить ее по лицу...

Но Фридина ускользнула отъ удара, бросивъ сестрѣ: «Нечего, нечего тебѣ бояться!», — убѣжала въ свою комнату и закрыла дверь на ключъ.

Супруги металась по комнатамъ осыпая другъ друга упреками и бранью. Потомъ стали стучаться въ дверь Фридины, просьбами, обѣщаниями, угрозами убѣждая ее одѣться и отправиться на базаръ. Но не добившись отъ нея отвѣта, ушли одни. На удивленные вопросы знакомыхъ они отвѣчали, что Фридина слегка простужена.

Когда Эльвинъ Бауэръ встрѣтилъ Анну

фонъ-Герцъ одну и узналъ, что Фридины не будетъ, — вечеръ утратилъ для него интересъ, и онъ рѣшилъ тотчасъ уйти. У выхода его нагнала Виргиния Гейнманъ, только что съ успѣхомъ читавшая съ эстрады прологъ, и спросила его — здѣсь-ли Хлодвигъ Эйнингеръ. Эльвинъ отвѣтилъ ей, что у него сегодня много работы въ редакціи, и онъ не придетъ. Если надо передать что-нибудь Хлодвигу, онъ передастъ... Онъ еще увидитъ его сегодня...

Виргиния помолчала немного и сказала:

— Нѣтъ не надо... Ничего ему не говорите... Я хотѣла сама объ Изольдѣ переговорить съ нимъ... Я вамъ расскажу, д-ръ, дѣло было такъ: Эйнингеръ долго сидѣлъ сегодня у Изольды. Ушелъ онъ отъ нея въ такомъ возбужденіи, что даже не узналъ меня на лѣстницѣ... Изольду я застала въ слезахъ и въ отчаяніи... Я никогда еще такого отчаянія не видѣла... Она сказала, что между ними все кончено... Я не могу вамъ сказать почему — я сама еще такъ потрясена. Но я убѣждена, что никто, кромѣ него, ее не успокоитъ. Онъ ее любилъ и еще любитъ ее, почему бы ему не сдѣлать этого... Я отсюда уйти не могу, потому что я распорядительница и ничѣмъ помочь не могу. Но если бы онъ самъ пошелъ къ ней... Ахъ, докторъ, если бы вы знали, какъ онъ жестоко поступилъ!..

Эльвинъ обѣщалъ послать къ Изольдѣ Хлодвита, если еще увидитъ его сегодня. Во всякомъ случаѣ завтра утромъ онъ, навѣрное, будетъ у него.

Онъ пожалъ озабоченной Виргинии руку и поспѣшилъ въ редакцію дать отчетъ о концертѣ и базарѣ.

Фридина вѣ себя отъ стыда, отвращенія и негодованія слушала, какъ сестра и зять собирались на балъ, и когда на улицѣ заглохъ ступъ увозившаго ихъ экипажа, соскочила съ кровати и стала укладывать свои вещи. Она сама снесла внизъ свои ящики и чемоданы, кликнула извозчика и на вопросъ его — куда, быстро отвѣтила: «въ любой отель». Черезъ четверть часа фіакръ остановился у освѣщеннаго подъѣзда. Чужія, любезныя лица встрѣтили ее, предупредительныя руки помогли подняться по лѣстницѣ. Почтительный кельнеръ провелъ ее въ прилично обставленную чистую комнату. Едва она успѣла снять шляпу, ей принесли книгу для прѣзжихъ, куда она вписала вымышленное имя, и, наконецъ, оставили ее одну.

«Вотъ она, какая... свобода», — подумала Фридина, улыбаясь и оглядывая банальную обстановку своего номера. Но послѣ этого бурнаго дня была отрадн тишина и одиночество. Она легла въ кровать и уснула здоровымъ, крѣпкимъ сномъ.

VI.

Проснулась она рано, свѣжая и бодрая, съ свѣтлой увѣренностью, что день этотъ принесетъ ей что-то удивительно-прекрасное.

Она съ тщательной старательностью одѣлась и невольно улыбалась своему отраженію въ зеркалѣ и опускала глаза. Въ нихъ ярко пылалъ огонь любви и радостно-розовымъ отблескомъ падалъ на нѣжныя, дѣвственныя щеки. Она рѣшила въ то же утро пойти къ Эльвину и довѣрчиво отдать въ его руки свою судьбу.

Былъ мягкій осенній день. На деревьяхъ,

Баль-маскарадъ на каткѣ въ Юсуповомъ саду 23-го февраля.

23-го февраля въ Юсуповомъ саду состоялся баль-маскарадъ, устраиваемый ежегодно «Юсуповцами». Феерическую картину представлялъ катокъ, освѣщенный яркимъ электрическимъ свѣ-

томъ и бенгальскими огнями. Нарядная маскарадная толпа въ живописныхъ костюмахъ неслась по искрящемуся льду, исполняя эффектные фигурные танцы. На каткѣ былъ сожженъ бле-

стящій фейерверкъ («Эйфелева башня», «аэропланъ»). Уголокъ этого интереснаго бала-маскарада зарисованъ художникомъ «Огонька» Н. Н. Герардовымъ.

Окаймлявших улицы, и въ скверахъ ласково переливались золото и багрянецъ...

Фридина съ громко-бьющимся сердцемъ поднялась по лѣстницѣ и дрожащей рукой надавила кнопку звонка. Горничная открыла ей дверь и провела въ обширную гостиную, посреди которой стоялъ большой рояль. На роялѣ лежали рукописныя ноты. Фридина узнала руку Эльвина. Она услышала шаги. Несмотря на всю внутреннюю тревогу, она спокойно повернула голову къ раскрывшейся двери.

Но это былъ не Эльвинъ, а его сестра. Въ своемъ радостно-приподнятомъ настроеніи, Фридина не предусмотрила вовсе возможности не застать его дома.

Елена Бауэръ сказала ей, что братъ въ редакціи, и вернется только около трехъ часовъ... Если нужно передать ему что-нибудь, она передастъ... Фридина поблагодарила и съ легкимъ смущеніемъ добавила, что зайдетъ опять...

Она вышла изъ дома Эльвина въ менѣе приподнятомъ настроеніи.

Къ неожиданному разочарованію примѣшивалось опасеніе, что родные ее разыщутъ, прежде чѣмъ она успеетъ выяснитъ себѣ свою будущую жизнь... Когда она переговоритъ съ Эльвиномъ, она гордо и увѣренно заявить имъ, что они никакихъ правъ на нее не имѣютъ... Но какъ провести эти долгіе часы до возвращенія Эльвина... Только не въ отелѣ! Только не быть одной... Къ Изольдѣ!.. Какъ это ей сразу не пришло въ голову. Ей она все скажетъ... И спроситъ у нея совѣта... Изольда ее пойметъ: она сама уже много пережила и выстрадала... Въ послѣднее время, въ ея глубокихъ скорбныхъ глазахъ часто свѣтилось счастье... Этимъ счастьемъ зажечь ея душу Хлодвигъ Эйнингеръ... Она говорила Фридинѣ, что онъ каждый день бываетъ у нея...

Не успѣла Фридина открыть дверь, ведущую въ мастерскую, какъ изъ смежной комнаты выбѣжала Виргинія Гейнemannъ, съ краснымъ отъ слезъ лицомъ, и плача сказала:

— Войдите, войдите ко мнѣ... Вы уже знаете?... Какое несчастье!

Она громко рыдала, не замѣчая, что Фридина изумлена и испугана.

— Если бы я не оставила ея вчера вечеромъ одну!.. Если бы я осталась при ней, этого бы несчастья, быть можетъ, не случилось бы!.. Безчестный, безчестный человекъ... Принести свою молодую жизнь въ жертву какому-то призраку чести...

Сердце Фредины сжалось жуткимъ предчувствіемъ.

— Да что случилось, ради Бога? — съ усиліемъ вымолвила она. — Изольда умерла? Отчего?.. Я ничего не знаю...

Прошло нѣсколько долгихъ минутъ.

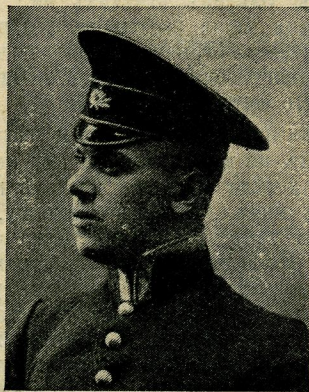
Виргинія, съ трудомъ и кое-какъ овладѣвъ собой, сквозь рыданія, рассказала Фрединѣ:

— Умерла... Застрѣлилась... Вчера вечеромъ, когда я была на базарѣ. Почему?.. Это длинная, печальная исторія... Вы знаете, что она нѣсколько лѣтъ тому назадъ покинула вдругъ родину и уѣхала въ Берлинъ... Но не ради своихъ художественныхъ занятій... Она почувствовала себя матерью и хотѣла избавить своихъ родныхъ отъ ужаса провинціальныхъ пересудовъ...

Она не хотѣла имѣть ребенка... И даже на самоубійство покушалась... Но когда ребенокъ родился, она горячо, трогательно привязалась къ нему... Она помѣстила его въ деревнѣ, въ хорошихъ рукахъ. Когда мать ея овдовѣла, она взяла къ себѣ внука... Но большую часть года онъ жилъ при Изольдѣ... Прелестный ребенокъ... И она рисовала, рисовала его безъ конца... Назвать себя его матерью она не рѣшалась... Мучилась, терзалась, а рѣшимости не находила...

ВИЛЕНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Со снимка, доставленнаго журналу «Огонекъ»
Н. А. Ратнеромъ.

Владимиръ Капцевичъ,
убійца г-жи Левицкой.

23-го февраля въ Вильнѣ, въ семьѣ печителя учебнаго округа Г. В. Левицкаго, разыгралась трагедія. Неожиданно пришелъ и потребовалъ свиданія съ г-жей Левицкой гимназистъ 8-го класса Капцевичъ, которому было отказано отъ дома. Мать вышла вмѣстѣ съ 17-лѣтней институткой Вѣрой, въ которую Капцевичъ былъ влюбленъ. Гимназистъ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ молодую дѣвушку. Мать заслонила собою дочь и упала мертвой. Капцевичъ выстрѣлилъ вторично, ранилъ Вѣру Левицкую и третью выстрѣломъ покончилъ съ собой. Послѣдніе прибыли высшія власти города. Дѣвушку отвезли въ больницу и она теперь поправляется.

Въ послѣдніе годы для нея большой отрадой было искусство... Она была уже на пути къ тому, чтобы заполнить этимъ свою жизнь... И какъ разъ въ это время— надо же ей было встрѣтитъ этого Эйнингера... Переѣхали какъ-то разъ ея собачку на улицѣ... Случайно проходившій мимо Эйнингеръ, по ея просьбѣ, пристрѣлилъ животное, чтобы оно не мучилось... Нѣсколько дней спустя они встрѣтились въ редакціи его газеты и началось... Я словно предчувствовала несчастье... Когда она говорила объ этомъ человекѣ, она чуть-ли не въ экстазъ приходила... Когда я замѣтила, какъ сильно чувство овладѣло ею, я стала убѣждать ее все рассказать ему... Про все, что было у нея, и про ребенка... Но Изольда со страхомъ откладывала объясненіе со дня на день... Вчера она пришелъ въ свой обычный часъ... и сдѣлалъ ей, наконецъ, предложеніе... Изольда собралась тогда съ духомъ и все ему рассказала... И что же вы думаете? Чѣмъ онъ отвѣтилъ ей? Онъ сдѣлалъ видъ, будто страшно потрясенъ ея признаніемъ... Увѣрялъ ее, несчастную, въ своей неизмѣнной любви... Онъ посмѣлъ еще говорить ей это, подумайте только... Но онъ не можетъ жениться на ней, такъ какъ онъ отставной офицеръ. Да, да, отставной офицеръ... Какъ это вамъ нравится... И въ его семьѣ на этотъ счетъ такіе строгіе взгляды... Я вернулась домой уже къ концу ихъ объясненія... и до меня еще донеслось нѣсколько фразъ... Когда онъ ушелъ, я тотчасъ побѣжала къ ней... и она бросилась ко мнѣ съ плачемъ, и все мнѣ рассказала... Я стала утѣшать, но она вдругъ успокоилась, даже повеселѣла какъ-будто... Я понялъ не могла этой внезапной переменѣ и хотѣла остаться при ней весь вечеръ... Но она прямо заставила меня одѣться и поѣхать въ концертъ... Я дожидаться не могла конца...

Но я пріѣхала домой слишкомъ поздно... Только приняла ея послѣдній вздохъ...

Обѣ дѣвушки горько заплакали опять. Успокоившись немного, Виргинія повела Фридину въ мастерскую, гдѣ лежала мертвая Изольда...

Она спала на своей кровати вѣчнымъ сномъ, послѣ тяжкихъ страданій, которыя дала ей недолгая жизнь... Смерть сняла съ ея одухотвореннаго лица выраженіе безысходной печали...

— Жертва общественной морали,— съ горечью промолвила Виргинія.— Сколько гибнетъ такихъ, талантливыхъ, любящихъ, рожденныхъ для счастья...

Виргинія вышла изъ дому вмѣстѣ съ Фридиной... По дорогѣ онѣ говорили о трагизмѣ вѣбрачныхъ матерей...

— Это проклятіе!.. Тяжкое проклятіе, тяготившее надъ людьми, и прежде всего, конечно, на женщинѣ!..— возбужденно говорила Виргинія.

Эльвинъ Бауэръ ждалъ Фридину съ четырехъ часовъ. Фридина не назвала себя его сестрѣ, но по описанію ея вѣиности онъ догадался, что это она. Только очень серьезная причина могла заставить эту гордую, сдержанную дѣвушку притти къ нему на квартиру... Что такое могло случиться? Она вчера еще была больна!.. Или изъ-за Изольды Рюлигеръ?.. Несчастливая дѣвушка! Несчастныи Хлодвигъ!.. Эльвинъ взволнованно шагнулъ по своему кабинету, вспоминая мертвенно-блѣдное лицо Хлодвига, когда онъ читалъ записку Виргиніи, извѣщавшую его о смерти Изольды...

Наконецъ, у входной двери прогнулъ звонокъ, и черезъ минуту Фридина вошла въ его кабинетъ. Уже въ послѣднее мгновеніе силы измѣнили ей.

Она не въ силахъ дальше владѣть собой. И при видѣ Эльвина, бросилась къ нему на грудь и беззвучно заплакала.

Чувствительный Бауэръ не могъ видѣть женскихъ слезъ.

Онъ растерянно и взволнованно гладилъ ее по щекамъ, своими нервными руками.

— Фридина!.. О, ради Бога, Фридина— скажи мнѣ, о чемъ ты плачешь? Перестань плакать, если ты любишь меня...

Да, она любитъ его... Она перестала плакать... Она вытерла слезы, глубоко вздохнула. Эльвинъ усадилъ ее на низенькій, прочный диванчикъ, снялъ съ ея головы шляпу и сѣлъ подлѣ нея. Онъ мягко, нѣжно гладилъ ея прелестныя волосы, которые такъ любилъ... И думалъ объ Изольдѣ, у которой хватило силъ уйти отъ жизни, полной гнетущихъ мелочей и ненужнаго горя, къ прекрасной освобождающей смерти...

— Да, Фридина,— сказала Эльвинъ,— она хорошо сдѣлала... Мы все живемъ по теченію... Она сама направила свой челнъ въ открытое море и опрокинула его вмѣстѣ съ собой... Она прекрасно сдѣлала...

Фридина подняла голову и взглянула на него. Глаза его были затуманены, эти пріятныя, сѣрые, безвольные глаза, видѣвшіе въ жизни только путь къ смерти. Но она любила жизнь. И по ней пробѣжалъ внезапный холодокъ при мысли, что именно этому человеку она доверяетъ свою будущность.

— Это ужасно... простетала она,— я была у нея и видѣла ее... Такое несчастье... Но не это меня привело къ тебѣ... Я вчера вечеромъ ушла изъ дому моей сестры. Навсегда...

Лицо Эльвина выразило напряженное вниманіе. Фридина Брандтъ продолжала:

— Навсегда!.. Я не желаю больше знать ихъ... Анна Герцъ мнѣ больше не сестра... Представь себѣ только, что они позволили себѣ... Они предложили мнѣ выйти замужъ за человека, котораго не люблю и едва знаю.. Словомъ, Эльвинъ, за человека, съ которымъ Анна измѣняла своему мужу...

Она выговорила эти ужасные слова шепотом, вся дрожа и залившись краской стыда. Эльвинг заволновался. Для него ясно стало, что Фридина ждет от него решения своей судьбы, что в эту тяжелую минуту жизни она приближалась к нему искать защиты. Конечно... Это вполне естественно, что молодая беззащитная девушка пришла к любимому человеку... И в то же время Эльвинг с ужасом думал о последствиях этого шага. Не может же он, в самом деле, жениться на Фридине Брандт... Он, страшившийся брака... Не может же он, в самом деле, надеть несправедливое ярмо для того только, чтобы загладить опрометчивость своей приятельницы.

— Фридина, — медленно начал он, — что же ты теперь намерена делать?

По ее строго очерченным губам скользнула улыбка. Она прямо и ласково взглянула ему в глаза:

— Тебе это лучше знать, Эльвинг... Мне возврата нет... И если ты... я хочу сказать...

Она не докончила фразы, но с трогательной, горячей доверчивостью протянула ему обе руки.

Эльвинг нахмурился. Его угнетало сознание, что эта молодая, воспитанная девушка, из любви к нему ринулась на отчаянный шаг... И этим самым возлагала на него обязательства, которых он не в силах был взять на себя... Он медленно заговорил:

— Ты знаешь, Фридина, как я люблю тебя, и потому я надеюсь, ты будешь считать с моими словами... Ты не обдумала своего поступка, Фридина... Если бы ты раньше спросила у меня совета, до этого не дошло бы... Как ни как — это скандал!.. И все скажут, что права сестра твоя, потому что ты отважилась на слишком рискованный шаг...

Он говорил сначала медленно, нерешительно. Слова, при всей своей кажущейся корректности, грубы и жестоки, с трудом срывались с его уст.

Фридина смотрела на него расширившимися глазами. Перед ней точно разрывалась какая-то пелена. Она начинала понимать.

— Конечно, — спокойно сказала она, — я отважилась на рискованный шаг... Это я знала... Ты мне ничего нового не скажешь, Эльвинг!..

Она встала, покачала головой, растерянно улыбнулась, потом медленно надвинула шляпу и сказала:

— Хорошо, Эльвинг, одно только... одно только я хотела бы знать, зачем ты целых десять месяцев играл комедию... Не ради препровождения-же времени... Ты никогда не говорил со мной так, как сегодня... И я ввела, я слишком ввела... Ну, хорошо... Пусть будет так...

Она задрожала. Голос ее потускнел, почти погас. Она с невольным движением брезгливости, приподняла длинный тренз своего платья, и вышла своей легкой, изысканной походкой, которой Эльвинг так часто восторгался... Не оборачиваясь и не оглядываясь, с высоко поднятой головой вышла на улицу.

Она никогда не могла вспомнить позднее, как она добралась до отеля. Войдя в свой номер, она машинально сняла жакетку и села на диван. Несколько раз мелькнуло в ее голове: «Конечно, Изольда Рюдигер хорошо поступила... Она добровольно ушла от мук...» Но мысль облечена была в слова Эльвина... Она еще слышала его раздраженный, нервный голос... Она с ужасом и отвращением закрывала глаза и старалась думать об Изольде Рюдигер, но видела изящное лицо, с красивыми, безвольными глазами, мягким ртом, и сдвигавшими, холеными усами... «Какой ужас, какой ужас!» — беззвучно шептала она.

Она не в силах была представить себе завтрашний день. Ей казалось невозможным пережить этот кошмар ужаса и отращения...

Она долго просидела в темноте, не двигаясь с места. Уже поздно ночью она раздвинула, легла и забылась тяжелым сном...

Так прошел первый день жизни, который Фридина рисовала себе полным счастьем, свободой и радостных чудес...

VII.

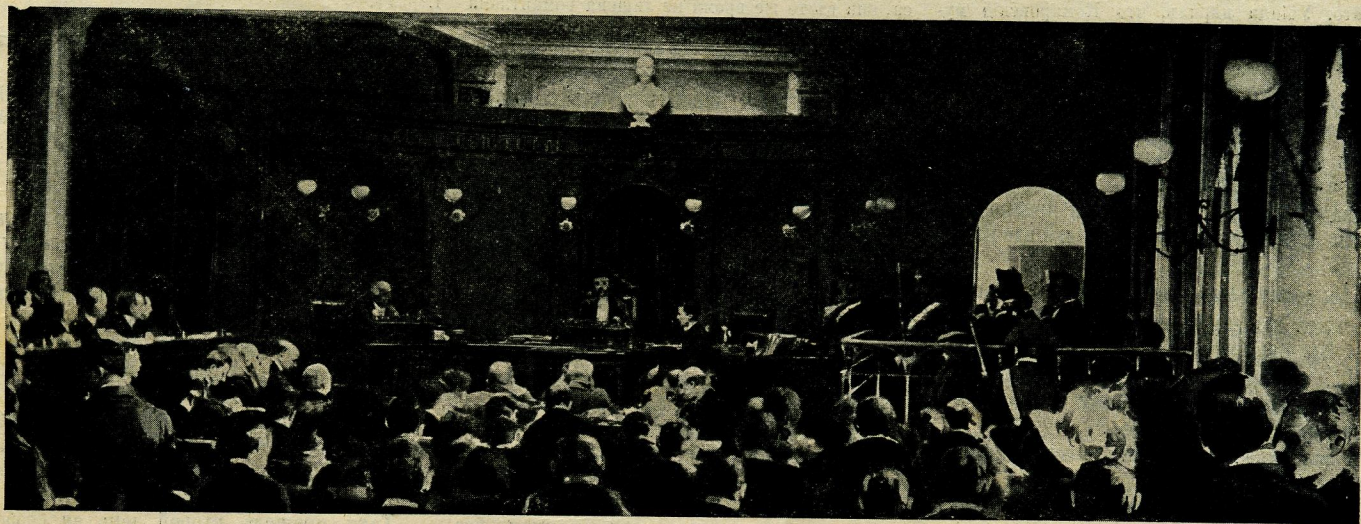
Фридина плохо спала. Проснулась с ощущением гнета на душе и усталости в теле и долго не вставала. Было очень тихо, и это безмолвие и сознание, что никто не может прийти к ней без зова, и не надо притворяться, казаться иной — мало-помалу развело ее угнетенность. Она оделась и сошла вниз, в ресторан. Она села за небольшой столик в нише, отгороженной

от залы высокой пальмой. Когда кельнер подавал ей завтрак, ей показалось, что он внимательно всматривался в нее. Но она могла и ошибиться, — успокоила она себя. Через несколько минут в залу вошел хозяин, поклонился каждому гостю и, проходя мимо Фридины, тоже пылливо, как ей показалось, поглядывал на нее. Она не ошиблась. На следующую день после исчезновения Фридины Христианг сделал заявление в полицию, с просьбой делать розыск с величайшей осторожностью. Чиновники попросили несколько фотографических карточек девушки, которые были розданы хозяевам отелей, и уже через день Христианг узнал, что Фридина остановилась в таком-то отеле, под таким-то именем. Христианг и Анна отправились в отель к Фридине в твердой уверенности, что без больших трудов вернуть ее домой. И были глубоко разочарованы. Они встретили совершенно неожиданный, твердый, серьезный отпор. Все угрозы, убеждения и доводы оказались безуспешными. Фридина решительно заявила, что в дом их не вернется, что будет искать работы и сумеет устроить себя независимую, трудовую жизнь. После ухода их она спросила счет. Этот счет ей был не по карману. Вещи она оставила у швейцара и пошла искать себе квартиру... Она поселилась где-нибудь в отдаленнейшей части города, где она не будет встречать знакомых, где, наверно, можно устроится дешевле. Она сошла с трамвая наугад у Франкфуртских ворот. Она совершенно не знала этой местности. Скучная, неприглядная улицы также были чужды ей, как и другие кварталы, отдаленные от центра. Она вошла в первый дом, на дверях которого прочитала объявление о сдающейся комнате. На звонок проткрыла дверь плохого одетая женщина, сморкала Фридину недоверчивым взглядом и спросила, что ей нужно.

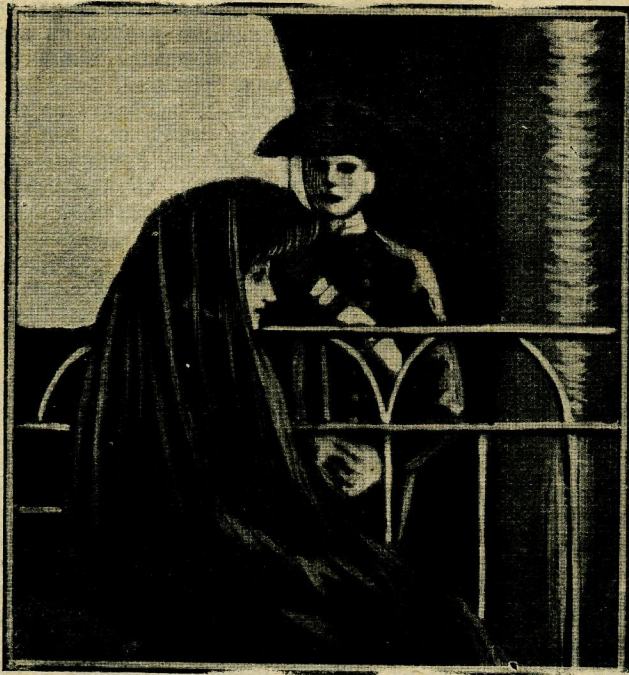
Только когда Фридина сказала ей, что пришла смотреть комнату, она впустила ее в переднюю. Было темно и скверно пахло кухни. В раскрытую дверь Фридина увидела несколько грязных, шумно копошившихся ребятшек. Женщина прикрикнула на них и повела Фридину в комнату, которая сдавалась. При входе их с дивана медленно и неохотно поднялся длинный

Дело Гарновской в Венеции.

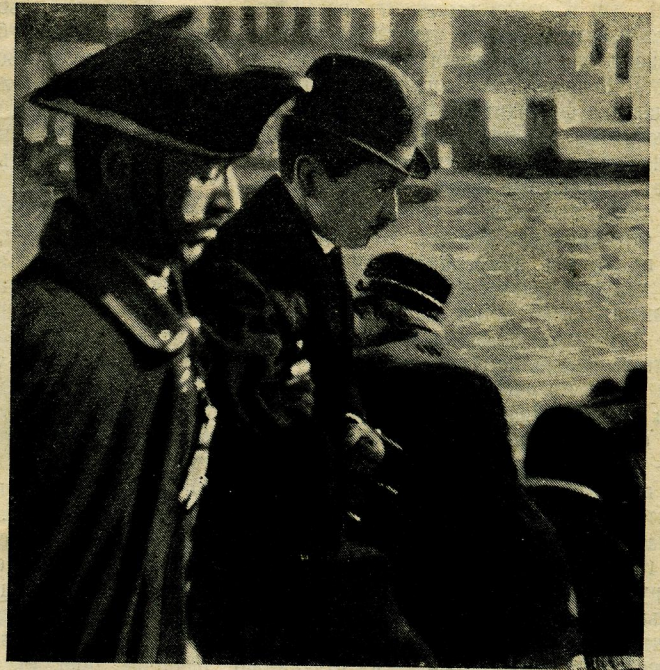
Со снимка, доставленного «Огоньку» специальным корреспондентом в Венеции Г. Кирдецовым.

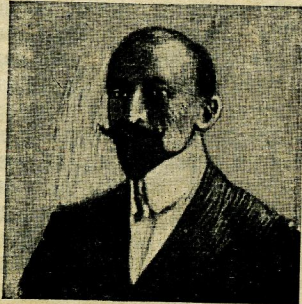
В зал заседания. Прямо перед зрителем на возвышении — председатель суда Фузинато. Слева за пюпитром сидит прокурор. Еще левее — скамья присяжных заседателей. Направо от председателя сидит Наумов во время допроса. Ниже — стол защитников. С правой стороны зала — окруженная карабинерами клетка для подсудимых.

Тарновская въ клѣткѣ для подсудимыхъ.

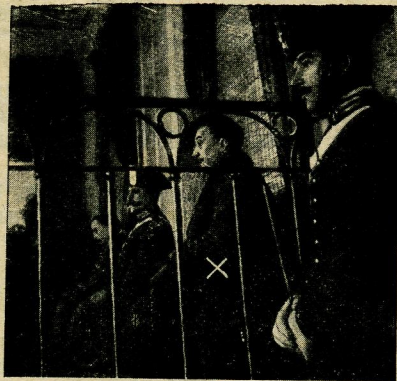

Наумовъ, привезенный въ гондолѣ изъ тюрьмы, подъ руку съ карабинеромъ идетъ въ зданіе суда.

Гр. Комаровскій.

Венеція привлекаетъ въ эти дни вниманіе всего міра. Не только изъ Россіи и всюду изъ Европы, но даже изъ Америки пріѣхали люди, чтобы слышать и видѣть процессъ печальныхъ героевъ необыкновенной житейской драмы. Столбцы газетъ всего свѣта заполнены этимъ кошмарнымъ дѣломъ. На скамьѣ подсудимыхъ Тарновская, рожденная графиня О'Руркъ, представитель провинціальной золотой молодежи—Наумовъ и московскій дѣлецъ-адвокатъ—Прилуковъ. Схема дѣла—не сложна. Подъ влияніемъ Тарновской, безумно влюбленный въ нее Наумовъ убилъ изъ револьвера своего друга, графа Комаровскаго. Убийца вѣрилъ, что Комаровскій му-

Прилуковъ подъ надзоромъ карабинеровъ въ клѣткѣ для подсудимыхъ.

чить царицу его мечтаній, а царица, при помощи Прилукова, мечтала о смерти Комаровскаго... чтобы стать богатой, получивъ его страховой полисъ. Волнуетъ общественное вниманіе въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ, личность преступниковъ, ихъ психологія. Конечно, сама Тарновская является душою преступления. Коварная, корыстолюбивая, чувственная, расчетливая, хладнокровная доужаса, она въ то же время не лишена романтизма

Фузинато, предсѣдатель суда.

и порою даже сентиментальности. Вліяніе на всѣхъ ея многочисленныхъ любовниковъ было неотразимо. Она принадлежала всѣмъ имъ и никому сполна. Она брала отъ каждого изъ нихъ жизнь и честь. Венеціанская толпа настроена негодующе, и роковую женщину карабинерамъ приходится охранять отъ криковъ, свистковъ, ругательствъ, камней и апелсинныхъ корокъ, въ изобилии сыплющихся на преступницу каждый разъ, когда ее везутъ въ судъ или отправляютъ обратно въ тюрьму.

парень въ одномъ жилетѣ, безъ пиджака. Фридина смущенно остановилась на порогѣ при видѣ полуодѣятаго мужчины, но женщина спокойно продолжала:

— Двадцать марокъ съ кофе, я предпочла бы сдать мужчинѣ... Но если порядочная дама...

Она вопросительно взглянула на парня.

— А чѣмъ вы занимаетесь? — спросилъ онъ. — Вы служите?

— Я... у меня—пролепетала Фридина, она не приготовилась къ такому вопросу.— Мнѣ надо искать себѣ мѣсто...

— А вы такъ...—протянула женщина. Но что же такое?..

Фридина не знала, что отвѣтить, и чувствовала, что кровь стынетъ въ ея жилахъ отъ смущенія и стыда. Мужчина добавилъ:

— Ну, если вы сами не знаете, что вы такое,—тогда, конечно, мы вамъ комнату сдать не можемъ... Намъ-то это безразлично,

но хозяинъ нашъ насчетъ всѣхъ этихъ вещей строгъ...

Фридина несвязно пробормотала нѣсколько словъ извиненія и почти выбѣжала изъ квартиры. На улицѣ она шла быстрыми торопливыми шагами, словно за ней гнался кто-то. Она не могла придумать себѣ призванія, которое не возбудило бы у квартирныхъ хозяевъ вопросовъ и сомнѣній. Наконецъ, она рѣшила назвать себя учительницей, но на вопросъ, гдѣ она преподаетъ, она не нашла отвѣта и опять убѣжала пристыженная и растерянная. Наконецъ, ей пришло въ голову сказать, что она писательница—это ни къ чему не обязываетъ. Послѣ долгихъ поисковъ она нашла, наконецъ, комнату въ пансіонѣ нѣкой вдовы Бельманъ. Обстановка была сильно подержанная, безвкусная, вульгарная. Было неопытно и неуютно. Хозяйка неряшливо одѣтая, полная женщина съ подведенными глазами и пышно взбитыми волосами, улыбалась приторно-

сладкой неприятной улыбкой. Но у Фридины была одна лишь мысль: только бы остаться здѣсь, раздѣться, присѣсть, отдохнуть... Восемнадцать марокъ. Фридина согласилась. Тотчасъ уплатила десять и попросила послать въ отель за ея вещами. Отдохнувъ немного, она спустилась внизъ въ лавочку, купила хлѣба, колбасы и нѣсколько яблокъ и поужинала, не раскладывая своихъ незатѣйливыхъ блюдъ на тарелкахъ.

Потомъ она разобрала свои вещи и развѣсила платяна на гвозди, такъ какъ шкафа въ комнатѣ не было.

Постель была жесткая, бѣлье грубое и подушка набита мочалкой. Но молодость одолѣла всѣ непривычныя тяжкія неудобства. Фридина крѣпко уснула.

Такъ прошелъ второй день ея свободной жизни.

(конецъ первой части).